Виктор Іванів

Corpora Corporationis, или Путешествие из города Виноград в город Антон

Подготовительные материалы к собранию сочинений Виктора Іваніва

Выпуск 2

Виктор Іванів

Corpora Corporationis, или Путешествие из города Виноград в город Антон

Москва 2021

Состав, подготовка текста
и комментарии
Алексей Дьячков

Дизайн
Кирилл Благодатских
и Анна Наумова

Іванів В. Corpora Corporationis,
или Путешествие из города
Виноград в город Антон
М.: Коровакниги, 2021. — 128 с.
— (Подготовительные материалы
к собранию сочинений Виктора
Іваніва. Вып. 2)

ISBN 978-5-902945-32-1

© Виктор Іванів, наследники, 2021
© Коровакниги, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

CORPORA CORPORATIONIS,
ИЛИ ПУТЕШЕСТВИЕ
ИЗ ГОРОДА ВИНОГРАД
В ГОРОД АНТОН

11 «Мы встретились на площади...»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СТАРИЧОК С НОГОТОК

15 1. Ночь и начало утра
22 2. К парикмахеру
25 3. Что делали имярек с Дылдой после концерта
в общежитии номер V
30 Перерыв на обед. Умбер принес свою
статеицу «Караванизация маков»
32 4. В гостях у господина Явы
37 Пауза. Мы едим позы в бурятской кухне

42 КШЁНШКА ПЕРВША.
TAUGHT US MORAN DINAR AERI. *SENILIA*

ПРИЛОЖЕНИЕ № 01: ЭПИСТОЛЫ. *АНОНИМКИ*

44 «PS. Вчера я читал записную книжку-молитвенник...»
44 «Митя, видит Бог, я устал, Митя...»
45 «Витя, дорогой, слава богу, что ты откликнулся...»
46 «Виталик, привет...»
47 Док № 01
49 Писано на сочинение Лощиловым новой статьи
50 «Янусик, привет. Я сижу тут и грущу. Или дую на воду...»
51 «Виктор, я оплатила Ваш билет туда-обратно...»
51 «Витя, привет...»
52 «Сережа Сокол, приветствую тебя...»
53 «Дорогие мои Надюша, Танечка, Наташа, все ваши дети...»

ПРИЛОЖЕНИЕ № CO_2: КАНЦОНЫ И ГИМНЫ

54 Шаровая молния
54 «Каждое утро пели канарейки...»
55 Гимн царице 7 Гаттор Сен-Готтард
56 HYMN
57 Косточка
58 Janne DARK
59 Канцона Жгютиконоссцаца

ПРИЛОЖЕНИЕ № O_3

61 Утреняя молитва о любящей и возлюбленном которой ко мне боговоление
63 У меня твоя черная книга но я пока ее еще не открывала...

ДОПОЛНЕНИЯ

68 Содержание подборки стихотворений Виктора Іваніва, номинированной на премию «Дебют», 2002

<МЕСЯЦЕЛОВ>

70 Сочельник КеСАДИИ
71 Вербное Крещенье
71 «Был рыбный день и было воскресенье...»
72 «и уста их слились в поцелуе едином...»
73 Документ номер 02
74 Молитва за моего возлюбленного брата
74 Письмо от собаки к ее хозяйке
74 «Гундосят ли французы...»
76 «Венценосный журавль посаженный на корабль...»

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ОСИП ВИССАРИОНОВИЧ МАНДЕЛА

77 «Образование секты «Виссарион» приходится...»
77 «На вечере, посвященном...»

78 «Мы разговаривали о красоте и уродстве...»
79 «Лет двадцать тому назад...»
79 «Помню, однажды к нам приехал...»
80 «Если Имярек задерживался в комнате...»
80 Пьяная книжка
83 «Янусик, возлюбленная моего сердца...»
83 В замке у людоеда
83 Павлин
84 В поезде
84 Слуховой аппарат
85 Кормление
85 «Вот царева глава лежит на траурном помосте...»
86 Купание
86 В подземном городе
87 История о молоточнике
87 История о человеке, который лежал в канаве и в ящике
88 «Когда мы вышли-таки от Явы...»
88 «Сегодня, Первого февраля...»
89 «Все люди хотят путешествовать...»

КОММЕНТАРИИ

94 Об эфемерной сверхповести Виктора Іваніва
103 О текстологии выпуска
116 Источники и принятые сокращения

122 Corrigenda

CORPORA CORPORATIONIS, ИЛИ ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ГОРОДА ВИНОГРАД В ГОРОД АНТОН

Мы встретились на площади, когда стрелка вокзальных часов отбила пять. Мы ждали третьего человека, гомика, который должен был передать нам пакет. Поезд опаздывал на час, и, чтобы скоротать время, мы решили пока прогуляться. В воздухе еще был послеобеденный сон, солнце только начинало клониться к закату, и мы задумались, как нам провести образовавшийся перерыв. Все текущие дела как-то отступили, подобно слону, которого водили по улицам, но он вдруг заупрямился и начал пятиться, словно испугавшись маленькой собачки. Мы удалялись, и старая стрелка круглого табло словно бы тоже отступила на шаг.

R., назовем его моим другом, сразу же предложил в качестве своеобразной экскурсии посетить психиатрическую лечебницу, находившуюся по соседству. «Там тихо, спокойно, — сказал он, — ты ведь не был?» Я согласился.

К слову сказать, здания психиатрической лечебницы, как и вокзал — одни из старейших в городе. Мы свернули в переулок, прошли по короткому туннелю, сделали еще шагов двадцать и остановились перед кирпичным забором. Я сразу узнал военные казармы начала века, такие же, как в военном городке, довольно далеко отсюда. Ворота оказались открыты. «Пойдем», — позвал R. «А можно, — удивился я, — нас пустят?» «А хули, блядь!»

Навстречу попался старичок. «Из вольноотпущенных, — сказал R, — из приходящих». Четыре корпуса из красного кирпича были перед нами, за ними прятались еще четыре, и справа — столовая из серого кирпича. Вокруг не было ни души. Осины шелестели, роняя первые листы. Под ними скамейки синелись, как узелок у выписавшегося из больницы. Здания молчали, как соляной столп, в нишах не доставало только католических статуй богородицы и святых.

«Трижды я тут лежал, все в разных корпусах», — вдруг сказал R. «По какому случаю?» «Вот там — в белой горячке», — показал прямо. «Вот там — от армии». «Да?!» «А что, тебе то надо? Раньше было у меня там две верные руки, сейчас — одна осталась». Помолчали. «А третий раз?» «Это дело давнее». «?!» «В детстве, когда была эпидемия холеры, отказывался есть. Вызвали бригаду».

Медленно обошли вокруг здания и сели на скамейку под деревьями. «Это женское отделение. Там истерички, венерички». «Как, и они тоже?» «Раньше медицина не различала, за такое поведение тоже сюда». «Тихо здесь, спокойно, благодать! Внутри — нет». «Отчего ж ничего не слышно?» «Отделения для буйных — пенитенциарные, — произнес он, процеживая, — они под землей». Закурили.

Поговорили о новых книгах. «А нет ли у вас Ли?» «Какого, Чарльза, «Истории инквизиции»? — был, а сейчас нет. А зачем тебе?» «Интересуюсь. Вот и орудия пытки-то, те же, поди, еще с тех времен...» Перебил: «Из новинок — вот вышла книжка о сектах». «Что там?» «Там про Джонстаун. Был такой город в Америке. Вроде ничего себе город, нормальный город. Только правительство послало своего представителя, чтобы проверить, все ли там в порядке, так, на всякий случай. Приехал, ходит по городу, смотрит. Вроде все нормально, учреждения работают, банки, магазины, почта. Ходит, в дома заглядывает, с жителями разговаривает. Все хорошо. Стал уезжать. Человек двадцать изъявило желание город покинуть». «И?» «Когда подходили к самолету, главный их в этом городе, Джонс, послал автоматчиков — всех уложил, вместе с представителем. Потом собрал народ на площади, всех жителей города, произнес пламенную речь, призвав покончить с собой. Ритуально. Послали войска, видят — на площади — четыре тысячи, как были, так и полегли».

«А ведь распространители, это также секта, сетевой маркетинг. Брат у меня ходил — сперва в церковь «учеников», потом косметикой занялся...» — говорю я. «Точно, секта, вот продают они там масло для сковородок, или конфеты, а сами туда сперму Муна добавляют. Ешь вроде бы ты конфетку, а на самом деле к телу Муна причащаешься. Во главе — религиозное ядро, а бизнес — для отвода глаз, ритуальные действия. Это еще что, вот есть секта, где занимаются суходрочкой, доводят себя до истощения». «!?» «Таким образом, говорят, Бог совокупляется с адептом, представляющим себя женщиной. Еще покурим?»

R. протянул мне сигаретку, я неловко схватил ее — было прохладно — и она упала под скамейку. «А хуй с ней, на дру-

гую». Мы невольно взглянули под лавку. Там возле ножки, в углу, лежала раскрытая, оставленная кем-то финка. Я и так-то чувствовал себя не в своей тарелке, теперь еще пуще удивился и порывался встать. R. поднял ножик, помусолил, поднес к глазам. Он поблескивал, как новенький. Положил обратно. «Мне не надо», — сказал он. Выждав минуту, словно собираясь с мыслями, я намекнул: «Вот Вы, значит, только что взяли ножик, а может быть, им кого-то через час зарежут. Или уже зарезали и положили на место». «Так это уж наверняка! Райончик-то — тот еще». «Ну, и...» «А меня-то как им найти, я свою дактилоскопию не сдавал, отпечатков моих нигде нету». «Все равно, пойдем, а то разминемся». «Поперли!»

Отправились к выходу с другой стороны. Проходили мимо красного корпуса, закоптившегося, словно под синею лампой. Вдруг R. сказал: «Смотри — знак нам подают!» Я не сразу разобрал, стал водить по стенам глазами. «Не там ты смотришь». Пригляделся и точно: на третьем этаже — в рамке двойного окна две потемневшие тени, два негатива, два женских привидения в желтом свете лампочки делали нам какие-то знаки, что-то неслышное нам говорили, помавая рукой, словно о чем-то, словно кого-то напоминая. Мы помахали им в ответ.

Когда мы вышли на улицу, я, чтобы поддержать беседу, спросил: «А он приедет?» «Все бывает. Товарищ Q. должен был приехать из Алма-Аты, ан не доехал. Q. пошел его встречать, вещи доехали, а его самого — нет. Стали искать, нашли — на перегоне за откосом. А как, что — не известно. То ли сам выпал, то ли выкинули с поезда. По пьяному делу, хуй разберешь».

«А кто должен приехать?» — продолжал я. «Голубой из Москвы, я бы сказал даже, что гей». «Как Вы различаете?» — осведомился я. «Есть у меня ряд признаков, по ним и различаю». «А все же, кто такой гей, чем он отличается, были, например, матросы, папики?» — «Изящный, представитель элитарной культуры». «Он говорит, растягивая слоги, хабалит?» «Не обязательно. А тебе зачем?» Помолчали.

Уже подходили к вокзалу, когда встретили того же старичка. «Видать, у них тут ротация, свободная циркуляция между

больницей и вокзалом», — согласились мы. Цифры табло проступили в сумерках. Приблизилось время. Поезд опаздывал еще на час. «Пойдем, по пиву...» — стал зазывать меня R. «Надо на работу». «Так ведь не платят, хули, пойдем!» «Нет, надо...» Еще покурили. «Вот у меня карточка есть, позвони, скажи, что задержишься». Насилу отказался. Зачем он звал меня? Так вот просто так не уйдешь — словно картину смотришь и нельзя оторваться. В тот вечер я так и не дождался пакета. Дома на столе лежала статья «Гомосексуализм в античности». Подготовка к дням «Gay Pride» в Австрии.

R. считает меня тайным шизом или даже так: R. втайне считает меня шизом. Так ли это, вам судить. Но меня чрезвычайно занимают события, которые последовали за тем, о чем я рассказал выше, равно как и те, что этому, без малого, часу предшествовали. Вроде бы никак со мной не связанные события. Однако если вглядеться или, наоборот, отойти на порядочное расстояние, то окажется, что эти разрозненные события на что-то мне указывают и потом еще кивают согласно, якобы «понял», требуют пароль. Может быть, можно рассматривать их в ряду отдаленных причин, а, может быть, связи и не существует вовсе между ними. Ночью сонный человек принимает урчание в своем животе за шорохи на крыше и за окном, тревожась о том, что к нему, возможно, лезут в квартиру. Да, лезут в голову всякие мысли. Но обо всем по порядку.

1. НОЧЬ И НАЧАЛО УТРА

Итак, я лежал на кровати, задремывая, и вслушивался в шорохи, что доносились из-за окна. Шел дождь, и капли сильно бились в водосточную трубу, падая через раз. Дождь то отступал в листву, выжидая паузу, то вновь приближался широким фронтом, словно барабанная дробь звучала, возвещая о прибытии похоронной команды. Стволы дерев потрескивали, как факелы, казалось, что слышатся чьи-то неясные голоса и вот-вот зажгутся фосфорические огоньки. Вдруг одно полено надсадно лопнуло, что заставило меня вздрогнуть, и напрячь внимание, и обратиться в слух. Казалось, что дом простукивают резиновым молоточком, выявляя то ли двойное дно, то ли нервные окончания. Чуткое ухо отчетливо различило чьи-то шаги, три, два, один. Я резко выпрямился на кровати и громко сказал вслух, продолжая собственную дневную мысль: «Гм!» И добавил, словно поправляясь: «Гуингнм!» Шаги остановились. Я подкрался к окну и осторожно выглянул. Никого не было видно, я хочу сказать, никого не было в моем поле зрения. Я стал выжидать, как будто на часах, как будто в бдении над оружием. На улице тоже кто-то стоял, как по струнке. В течении двадцати минут ни один мускул не дрогнул на моем лице, и я с замиранием сердца следил за тенями дерев, ходившими кучно, как рой черных мух, но почти неслышно. Чтобы выйти из неудобного положения, я стал подыскивать соответствующий экивок, какой-нибудь выкрутас. Не найдя ничего лучшего, я взял под воображаемый козырек. Успокоившись, я лег обратно в постель. Вдруг, как мне показалось, кто-то кашлянул, и не то чтобы мне в ответ. Вышла луна, и я решил все-таки проверить, и якобы, чтобы проветрить, подскочил к форточке и свесился наружу. Картина, открывшаяся моему взгляду, была неописуемой. Я увидел своего соседа, Николая Денисовича, в одном белье и в тапочках на босу ногу, совершенно выжившего из ума, а в прошлом году умершего от перелома шейки бедра и последующей пневмонии. Он дрожал всем телом, в

особенности же трясся его подбородок. При этом, наметившись в воображаемое темя, он взмахивал молотком и делал небольшой прыжок на два дюйма, напоминая при этом уморительного человека-лягушонка из фильма «Садко». Вдруг он прекратил свое занятие и кашлянул. Мне померещилось, что лицо его начинает тихонько обращаться ко мне, а вся его фигурка превращается в пухлую шариковую ручку с голограммой, размером с песочные часы. При перевороте показывалась синяя женская фигурка, словно татуированная, обнажаясь до пят. Я сел, выпрямившись, на кровати и зажег лампу. По осиннику за окном прошла оторопь, словно по лягушачьей коже, и мне словно послышались удаляющиеся шаги огромной жабы. Я оттер пот. Подошел к столу, открыл ящичек и вытащил газету двухлетней давности и начал читать одну заметку, которая когда-то врезалась мне в память, а теперь отчетливо проявилась, как некогда полузасвеченная пленка.

Газетная страница несколько уже пожелтела, я бы даже сказал, пожухла, как листва за окном, мелькнула мысль, что она рассыплется в руках, и я не успею схватить... На дне ящика лежала пачка писем, перетянутая резиночкой для волос, коллекция пробок от пивных бутылок, прозрачный с виду шарик, мутный, если поднести близко к глазам, размером с луну, и серебряный медальон в форме сердца с инкрустированным поддельным камешком, на которые я сперва не обратил внимания. «Как все совпало!» — произнес я.

Искомая мной заметка находилась как раз под сообщением о проделках городских запоздалых футуристов, срывавших с себя одежду и вроде бы приклеивших сифилитический нос к портрету императрицы Елизаветы Петровны, вывешенному на третьем этаже городского музея. В заметке говорилось о поимке маньяка-убийцы, терроризировавшего Затон. Жертвами его становились одинокие женщины, возвращавшиеся домой в ночную пору. Обстоятельства поимки маньяка поразили меня. Убийцей оказался старичок невысокого роста, с маленькой бородкой, длинным носом и острыми ушами. Когда милиция ворвалась в его квартиру, то застала его в женском белье перед зеркалом. «Это был он!» — воскликнул я, имея

в виду Николая Денисовича. Совпадения быть не могло, и, несмотря на то, что обстоятельства смерти Н. Д. никак не вязались с действиями маниака, все же это был он, все это время остававшийся неузнанным, сама его смерть явно намекала, но намекала на что? Истина лежала передо мной в самом неприкрытом виде, но звенья цепочки, сложившиеся в столь причудливый иероглиф, были утрачены. Известен был ответ в задаче с потерянным ключом, но сам порядок действий был прочно забыт. И я силился припомнить хоть что-нибудь еще, найти какую-то зацепку, набрести на наводящую мысль, раз за разом перечитывая заметку и словно пытаясь вновь заглянуть в окошко Николая Денисовича на первом этаже. И вот в этом окошке замаячила согбенная фигура, занятая непонятными приготовлениями и странно мне подмигивающая, подмаргивающая и ускользающая в комнатах. Только теперь Николай Денисович отвернулся от меня и действовал как во сне, словно в полной темноте натыкаясь на мебель, продвигаясь на ощупь. Вдруг он остановился, чтобы перевести дух, и молниеносно сверкнув ножом, распорол подушку, перья которой взвились к лампочке и закружились вокруг, как рой сонных мух, и прежде, чем свет померк, донеслись отголоски какой-то знакомой песенки...

Песенка оборвалась на полуслове. По полу повеяло летейским холодом. Я не сразу открыл глаза. Простыня, надвинутая по самый нос, словно приклеилась к моему телу до такой степени, что мне показалось, что я смотрю сквозь тонкую кожу в синеватых и розоватых жилках. Голова болела в затылке, как будто мне на шею привязали камень и бросили в море. Вокруг медленно проплывали пузырьки, а, казалось, по дну моих глаз ползали бесшумные золотистые рыбки. Руки и ноги совершенно онемели, и кости в них ныли. Собрав все свои силы, словно в одном мышечном сгустке, я разодрал руками воздушный саван и всплыл на поверхность. Место, где я лежал, показалось мне незнакомым. Присмотревшись, я разглядел ножки стола и бежевые обои с лиловым рисунком. Стул валялся подле перевернутый. Выдвинутый наполовину ящик стола навис над головой, как накренившийся корабль. Выше блестела медная люстра с заостренным наконечником. Это

была моя комната, но в никогда прежде не виданном мной ракурсе. Похоже, ночью я свалился со стула и потерял сознание. Некоторое время я разглядывал помещение, зыбившееся надо мной, словно в неверном зеркале пруда. Наконец на круглом медном диске люстры я поймал свое перевернутое отражение в уменьшенном виде и выпуклое. Я присел на корточки, потом на коленки. Из окон донеслись какое-то сипение и гнусавые птичьи голоса, словно из кипящего чайника. За стенкой послышались шаги. Я выглянул в окно. Этажом выше, прямо над моей головой, раскачивалась клетка, в которой бились, пытаясь петь, канарейки Зулейки Незамовны, шипя от ветра. Зулейка Незамовна — соседка сверху, старушка, еврейка, страдающая мигренями и бессонницей, вывесила клетку на специальный крюк, чтобы птички могли подышать воздухом, и забыла снять, когда поднялся ветер. С потолка хлопотливо топотали ее тапочки, теперь она спешила исправить свою ошибку. «Гули-гули, — позвала она, — совсем озябли, мои милые!», — и показалась из окна в рыжем парике и вновь скрылась. Я некоторое время озадаченно смотрел на окно, представляя, что ее внучатая племянница, Оленька, еще спит в своей кровати, и сон садится на ее припудренные веки, подобно паре голубков, чье нежное воркование доносится из ее девической груди. Пока еще она спит, тихонько посапывая, но скоро ей вставать, и эта смешливая вострушка, научившаяся бегло читать ноты и уже заглядывающаяся на мужчин, сядет разучивать гаммы, а потом пойдет в музыкалку. Головная боль отвлекла меня от столь приятных размышлений, и я обернулся. Ящик стола по-прежнему был выдвинут, пачка писем в нем белелась. Газета свесилась со стола, скомканная, как носовой платок. Шкаф стоял в темном углу. Ручка его поблескивала. Я подошел к зеркалу. На голове вздулась шишка. Я пригладил волосы. Смутное подозрение мелькнуло во взгляде, отброшенном зеркалом мне назад. Расческа выскочила у меня из рук. «Нужно проверить», — сказал я вслух. Надев пальто и схватив шляпу, я поспешно вышел, повернув ключ в замке на два оборота. В лифте подозрение мое выкристаллизовалось в подобие плана. Никем не замеченный, я вышел из дома и направился прямо к психиатрической больнице.

Ветер утих. В улицах еще стоял полумрак. Листья, нападавшие за ночь, лежали на земле, притихшие. Я шел быстро, но осторожно, словно переступая через тела спящих. Я пересек трамвайные пути. В доме под часами одно красное окно горело. Дальше путь лежал через парк. Я обошел бронзовую статую Вождя Революции. Казалось, губы ее чуть порозовели в проступавшей красноватой лакмусовой полоске зари. Они казались обветревшимися, будто статуя незаметно облизывалась. Она была каким-то сгустком окружающего безлюдья, столпотворением теней, тесно вбитых в нее, и, немотствуя, была отражением всех звуков: дребезга трамваев, перестука каблуков, обтянутой паутиной шорохов и войлоком всхлипывающих шагов, и, прошитая свистом летучих мышей, она казалась боксерской грушею, набравшей в рот воды, отбивающей от себя всякий звук. Она предстояла мне как некое подтверждение пустынности улиц и успокоение моего одиночества. Вытянутая рука статуи указывала куда-то. Невольно я повернулся в ту сторону. В глубине улицы под деревьями прошмыгнули, бранясь, две фигуры, мужчина и женщина, судя по голосам. Зацокали каблучки. Мужчина остановился и закурил, потом поплелся вразвалку вслед. Прения их продолжились за углом, пока они углублялись в улицу, а потом шаги их и голоса заглохли. Я поглядел себе под ноги и увидел выдранные ростки и корневища перезревшей травы, они образовали сухой пучок, мешочек, и притягивали взгляд именно своей нелепостью, тем, что уже перестали расти. Они были размером с воробья или полевую мышь, но не двигались и даже не издавали запаха. Облезшие, они только слезились, все более засыхая, они могли подойти в качестве обрамления для какого-нибудь макраме молодящейся женщины.

Я постоял с минуту и пошел дальше, больше не останавливаясь, то и дело ускоряя шаги. За углом повеяло холодом, чувствовалась близость к реке. Впереди было здание психобольницы. Железная решетка калитки лечебницы оказалась запертой, зябкой, еще подернутой сном. Оглядевшись по сторонам, я попытался перелезть через нее, но она громыхнула. Залаяла собака, зажглось окно в каморке сторожа. Я отошел за стену и затаил дыхание. Бородатый сторож выглянул,

потоптался на месте, поглядел по сторонам и вновь скрылся внутри. Я решил обойти забор вокруг в поисках отверстия, способного пропустить человеческое тело. Такового не нашлось, и я уже почти отчаялся в своих поисках, как вдруг мой взгляд упал на небольшой выступ, где старая стена обветшала и из нее вывалилось несколько кирпичей. Недолго думая, я вскарабкался по нему и перепрыгнул на ту сторону, больно ударившись пятками и кистями рук. Корпуса лечебницы спали, казалось, приоткрыв один глаз. Проходя по стеночке, я запнулся о водосточный желоб и чуть не упал. Я прижался спиной к стене и замер, вслушиваясь и принимая за шаги стук собственного сердца. Насилу успокоившись, я пошел по дорожке прямо к той скамейке, где сидели мы с R. Она была как на ладони.

С каждым шагом, пусть неслышным и семенящим, но отзвуком отдававшимся в моем теле, как в галкином кувшине, и, тем не менее, приближавшим меня к скамейке, вся нелепость моего положения становилась ясней. Запоздалый сон, забившийся в уголки моих век, в кончики пальцев, в локти, понемногу проходил, и я вдруг увидел себя одного наяву, во дворе психбольницы, на виду у ее обитателей и вечно дежурящих и бессонных врачей. Наконец я прекратил идти и замер в десяти шагах от скамьи. То, что финки могло не оказаться на месте, еще не доказывало верности моих предположений. Не говоря уже о том, что я выставлял себя в крайне невыгодном свете: двери больницы не были столь уж плотно закрытыми, так что меня там только и ждали. Будучи застуканным, я не смог бы вразумительно объясниться. Видел бы меня кто-нибудь из знакомых! Любой из них был бы странно озадачен, посмотрев на меня, но все равно бы не смог скрыть внутреннего смеха. Но здесь, я полагаю, не смеялся бы никто. Койки, привязные ремни и веселая компания живо представились мне. Но даже если финка была под скамейкой, как я втайне надеялся, и на чем основывался мой план, вероятность того, что ее целенаправленно подкладывали туда, не превышала возможности, что она была брошена там однократно, и ее просто не заметили. И в этом случае я навлекал на себя ненужные, но обоснованные подозрения, становясь заложником финки.

Газетные заголовки вроде «Маньяк пойман во дворе желтого дома», «Что делал скромный учитель в Бедламе» запестрели передо мной. Наконец, как мне незамеченным выбраться отсюда? Чтобы отогнать эти мысли, я огляделся по сторонам. Окно уборной горело в угловом окне одного из корпусов. Я почувствовал рассеянный в воздухе блуждающий взгляд, взгляд исподлобья, взгляд гипсового истукана, пока не находящий меня. Я начал клясть свою мнительность, ставшую притчею во языцех и заведшую меня сюда.

Меж тем окружающий мир был уже готов преобразиться, сновидения доживали последние минуты и уже торопились спрятаться обратно в подушки заправленных постелей. Сладкий зевок застревал в горле. Онемевшие за ночь краны и опустевшие зеркала жаждали ухода, ждали первых лучей. Впереди были утренняя гимнастика, умывание, завтрак и обход. Деревья, как и провода, тоже, видимо, устали стоять разомкнутыми и уже ловили дыхание утра. Я и не заметил, что стоял теперь у самой скамейки, и почти равнодушно, из чистого любопытства, заглянул под. Мой план совершенно перестал волновать меня, мысль, казалось бы, глубоко засевшая во мне, утратила свою притягательность. Гораздо большее беспокойство вызывало мое собственное положение. Меж тем под лавкою что-то блеснуло, и я почти машинально протянул руку к этому предмету, но тотчас отдернул ее. На земле лежала финка с наборной рукояткой, манившая меня и подспудно определявшая направление моих мыслей в течение долгих недель, словно засевшая промеж лопаток. Некоторое время я тупо смотрел на нее. Наконец наступала вожделенная минута, когда я в одиночестве мог рассмотреть ее, возобладать ею, как важной уликою. Я присел на корточки и наклонился над ней, словно над костром, пытаясь сохранить его тепло, поймать дыхание убийцы. Кто положил ее сюда, почти на видное место, сводную сестру наших кухонных ножей, совершенно лишенных шарма и одинаковых, обреченных забвению, без кровостока, без пульса руки убийцы, без трепета сердца жертвы и без его остановки, обреченных на обезглавливание овощей или, на худой конец, на гадание по кишкам? Какой-нибудь обитатель здешних мест, исключительно из удобства,

без задней мысли? Уголовник, подкинувший орудие в дом сумасшедших для отвода глаз? Или маниак, методично и целенаправленно облюбовавший эту старческую скамеечку, до сих пор разгуливающий где-то, маниак, которого один я могу понять, выследить и обезвредить. При сих словах я вздрогнул, ибо послышался шум подъехавшей машины, хлопнула дверца, раздался звонок, и сторож побежал открывать решетку. Это была машина с провиантом для умалишенных. Я не знал, куда деваться. До меня донеслись неожиданно возбужденные голоса, после чего сторож и водитель пробежали в двух метрах от меня прямо к главному корпусу. Не мешкая, я воспользовался их, видимо, кратковременной отлучкой и бросился к выходу. Причина моего избавления скоро открылась мне, вернее, я чуть не налетел на нее. Возле самой земли висел на длинной веревке, поникнув главой, посинелый труп человека с вывалившимся языком и в белом халате и колпаке, сползшем на лоб. У него были выпущены кишки, свободно болтавшиеся. Не помня себя, я бросился в улицу и едва успел свернуть за угол, как услыхал звуки сирен. Я шмыгнул под арку в соседний двор. Там я спохватился, развернулся и, как ни в чем не бывало, хотел уже пойти обратно, как вдруг обратил внимание на то, что руки мои и пальто в оранжевой, красноватой даже пыли. Я стал отряхиваться, вспоминая и кляня чертов забор, о котором и думать забыл. На мое счастье, это был внутренний двор какого-то предприятия, и на него не выходило ни одного окна. Только пожарная лестница чернелась и упиралась в глухую зеленоватую дверь. Трамваи пошли. Я миновал опасные улицы и смешался со спешащими на работу и потому ничего еще не подозревающими людьми.

2. К ПАРИКМАХЕРУ

Должен сообщить читателю о двух своих особенностях, знание которых может оказаться немаловажным. С детских лет я обладаю точной, фотографической памятью на лица и телефонные номера. Кроме того, я — человек чрезвычайно, до болезненности мнительный. Вот пример тому. Однажды мы с моим другом Паблою шли по центральной улице нашего

города, то есть по Красному, мимо магазина «Снежок». Было это в начале февраля. Между домами находилась арка, темная и замшелая, как пригоршня табаку, набранного из бычков, и шершавая. Номера дома на этом углу не оказалось, зато, случайно заглянув повыше, словно встав на цыпочки, у водосточной трубы я увидел фигуру человека в спортивной каске и во всем снаряжении, включая и ледоруб. Я сказал Пабле: смотри! И тотчас воспроизвел три версии происходящего, которые молниеносно промелькнули перед моим умственным взором: Живой! Мертвый! –лицо спортсмена было крайне землистого цвета, а тусклый и словно натертый до блеска салом взгляд пробирал до мозга костей, сам оставаясь замер(з)шим. Уф! — вздохнулось мне — так ведь это же манекен.

Любезный читатель, постарайся меня понять. За сими словами я обрываю изложение детективного романа, с центральным персонажем которого, мнительным фотографом-любителем Доконтом, я так тебя и не познакомил. Пусть же безжизненное тело с высунутым языком, которое мы оставили в предыдущей главе, останется там тем, чем и является — манекеном, сбежавшим из музея восковых фигур, что располагается в подвале Картинной.

Совершим же быстрый визит к мужскому парикмахеру Глебу, тонкому специалисту по обводу вокруг пальца, незаметному ковырянию в носу китайской камышинкой, в меру манерному, с его холодными перстами и жарким дыханием за спиной посетителя. После этого краткого визита я приступаю к изложению истории болезни за номером 3, которая может послужить достойным продолжением трилогии, начатой мной в повестях «Брезгливость и омерзение» и «Город Виноград».

В одно дождливое и печальное и осеннее утро я вышел из дома, чтобы направиться в парикмахерскую. Шляпа моя, да и пальто промокли, когда я вышел теперь уже из троллейбуса и вскоре оказался в парикмахерской, дотоле мне не знакомой. Я собирался поступить мальчиком в магазин видеокассет, известный на весь город как «Лузитания». Сходства же с мальчиком во мне и без того не было ни капельки никакого. Жидкие волосы клоками ниспадали вокруг небольшой плеши, словно натертой кепочками, шапочками, шляпками, фу-

ражками. Рыжая густая борода напоминала о морже. Итак, я зашел в парикмахерскую, где сквозь глухое постукивание по треснувшим клавишам разжалобного дебелого фортепьяно другие звуки монотонно утихали за углом дома. Витрина парикмахерской была задернута занавескою, так что завистливому взгляду и за целковый было не проглядеть моего уединения. Я снял шляпу и сказал: Наголо, пожалуйста, пожалуйста, под ноль! И еще подровняйте бороду и усы. Парикмахерша так удивилась, что практически мгновенно лишила меня волосяного покрова, оставив небольшую щепотку усиков и колючку бородки и почти лишив меня бакенов. Расплатившись, побрел я к зданию библиотеки, ощущая покалывание воздуха мочками оттопыренных ушей. Не хватало еще очков в роговой оправе с дужкой, не хватало только старческого мандража в руках...

Возможно, мнительность моя объясняется разностью глаз — если из единицы левого вычесть минус четыре правого, то получится как раз минус пять, тридцать шесть и пять. То, что слабовидящий правый глаз лишь угадывает, левый узнает секундою позже. Часть видимого мне мира, таким образом, выпадает из поля зрения, чуть запаздывает, и я начинаю ее подстерегать в нервической рессорной своей походке.

Деревья, политые водой, стояли осунувшиеся и даже насупившиеся, вокруг печально шествовали прохожие, пряча лица за обшлага, в рукава, под мышку, точно градусник или воробушка, затирая своими пальто скрежет шагов и квадратное хлюпанье подошв в лужи, в которых, казалось, отражаются онемевшие лягушки и снова снуют тени ласточек.

Кстати по поводу фотографической памяти: сегодня, 15 января, я вышел на балкон покурить и увидел перед собой рекламный плакат Пивного путча: «ждиТе пивного переворОта», где из перевернутого бутылкина горлышка с неразличимым с высоты птичьего полета или пятого этажа лейблом опрокинуто лилось в кружку какое-то, еще никому не известное пиво. Разумеется, не было названо никаких дат. Я включил телевизор. Там шла передача о том, что модельный бюст женщин, от Анны Ахматовой до Мисс 1995 года, минуя Целиковскую, Орлову и Ирину Роднину, находится в зависимости от

толщины пальцев мужчин, находившихся в те времена у власти — чем толще и короче пальцы, тем бюстее. Эксцентричный бородатый мужчина, мерцая глазами сквозь оттенявшие лоб очки, комментировал, ссылаясь на Михаила Чехова, рассказывал о пластическом жесте, о положении таза, определенно намекающего на состояние духа. В той же передаче участвовала красивая кудрявая рыжая молодая девушка в длинном платье, рукавицах и валенках, которая больше всего на свете боялась застудиться и стать бездетной, потому отреклась от моды, сочтя, что лучше выглядеть и слыть дурочкой, чем быть таковой. Миновав два бандитски-детективных сериала (в одном из которых герой приходит в осиное гнездо, а в другом Караченцев смотрит сквозь подзорный бинокль на сейф с кодом, вокруг которого толпятся трое гангстеров), детский ералаш, церковное пение с филармонической сцены и пресловутую нагиеву программу «окна», в которой скаред-коллекционер лишился почтения со стороны жены и дочери, похитившей у отца коллекционную чернильницу и на вырученные с нее деньги купившей любовника для своей матери, миновав рекламу нового блокбастера об апокалипсисе, я уткнулся в канал «Культура», где сквозь скрежет помех, шорохи и большую зернистость замаячили лица Калинина, Сталина и еще почему-то Петра Капицы, подумал, что наконец-то вижу Маринку анфас, и выключил телевизор.

Итак, в сентябрьский день я двигался к большой библиотеке, из девяти этажей которой только пять находятся над землей, чтобы найти там и повидать своего кореша, Долговязого Дылду, чтобы обсудить с ним проблему вышивки и, как оказалось, чтобы попасть на концерт панк-музыки в Советском районе, где должна была выступать группа «Виварий кровьи».

3. ЧТО ДЕЛАЛИ ИМЯРЕК С ДЫЛДОЙ ДО И ПОСЛЕ КОНЦЕРТА В ОБЩЕЖИТИИ НОМЕР V

Дылда по прозвищу Али уже ждал меня в своей библиотечной каморке, восседая за реликтовым столом 19 века, ножки которого походили на черной слоновьей кости колоннаду, а большой прямоугольник был обвит бархатным хоботом

и сверху накрыт толстым, из морской черепашей крови, стеклом. Али восседал на стуле и разглядывал книгу «Путешествие по Московии». Сам он приехал в город Виноград из-под Ташкента. Предварительно он совершил омовение ног — по словам Али, однажды, когда он плавал ночью в лягушатнике посреди пустынного города, на спину ему неслышно села летучая мышь, оставив на коже след и дважды свистнув ему в ухо. Родился Али под Берлином, где-то между Пражского лупанара и олимпийской деревни в Карл-Маркс-Штадте. Туда как раз перевели его военного отца. Остается только гадать, как он попал в Ташкент. А как уж попасть в Виноград — пупок Империи — куда мне как не знать? Али достал из кармана монету в один динар и стал пускать себе в глаз сплетение солнечных зайцев. К другому глазу он поднес линзу и покосился на меня, потом встал своей долговязой фигурой, снял свои импровизированные очки, показав ослепительный зуб и обнажив серый хрусталик с проблеском радости, и приспуская шаг, направился меня приветствовать. А это Имярек Иванов, победитель пацанов! Мы обменялись рукопожатием, которое вполне замещало нам челомканье и объятие.

«Ну что, поедем», — сказал Али. Я мялся. «Как же Янус, надо бы Януса позвать». «Будет Орденко, Яффа и Кашемир». Первый и третий выглядят как двойняшки, только Орденко седой и обшарпанно бритый, а второй черный как смоль и крепковолосый. Незаметно мы перешли под стелящийся и холодный, как простынь, дождь, оставив позади себя треугольные книги житий и жизнеописаний, исповедей от Павла Первого до протопопа Аваакума, оставив позади перечень лубочных картинок Ровинского и «Божественную комедию» в четырех томах размером с чемодан. Я мялся и когда мы подошли к телефону, когда я достал карту и позвонил Янусу, договорившись о встрече в бывшем магазине, а теперь артистической клумбе «V». По дороге мы взяли портера, который забултыхался в наших желудках-желудочках, обволакивая солнечное сплетение, как Индийское чермное море остров Мадагаскар. В полусне под гул коляски мы уткнули морды наших ботинок в дверь помещения, прослезив по лесу, пошкаливая походку. Начинались вениаминальные сумерки, день перелистывался

за суперобложку, наступая пяткой на корешок галстука, обмыльной обманенной змейкой выскальзывающего из-под штанин со штрипками. Подойдя к клумбу «V» мы нос к носу столкнулись с Янусом, после своеобразного обмена щелчками зажигалок, <добыв> златой огнь и воскурив тоненькие Virgin Slimz, мы стояли на пороге «V». И вошли внутрь.

Концерт начинался. Игрецы «Вивария» сидели за, казалось бы, одним столом этого черного помещения, озаренного тоненькой серебристой стеклянной струйкой лунника. Скамейки и столы казались обгоревшими и обитыми обской жестью-скобой. Концерт начался, занавес поднялся. Мне показалось, и я кивнул Али. Он кивнул мне обратно. Представление называлось «Вытягивание жил из человека в корсете со шнуровкой, привязанного к колесу колесницы Короля Кесаря Косарей». Тучка маленьких жгутиконосцев пробежала по синомозговому китайцкому канальцу под звук спичечных колес аэроплана, под щелк пальцев шелкового элекстричества пекинских фараонов-плавунов. Человек вращался молча, поскрипывая зубами и выпучивая глаза, воззрился на собственный пуп. Голоса вокалиста Яффы стало не слышно, как чириканья в грозу. Казалось, доносятся слова кесарева златого сечения, вбивание золотого костыля и шорох обглоданных шестов, лощеных телами гимнастов. Как отдаленная звонница, казалось, звучали подспудно анафема, мараата и аминь. Яффа, в темечко схожий с Джоном Туртурро, кривлялся, высовывал язык, гримасничая криком и безумно дергаясь в тике. Наконец различились слова припева: убить челове-ка. Мы трое, Янус, Али и имярек, внимательно переглянулись. Кашемир и Орденко изнывали под зноем тяжкой ноши гитар. Яффа — менеджер модного магазина в щегольском пиджаке, с белым отложным воротничком и темным прошлым, красный от пота, после каждого куплета делал глоток пива из банки. Его голова наклонялась над ширмой одежды, и, казалось, забывала о шее. На самой высокой ноте музыка оборвалась и упала вниз, к нашим ногам. Ящерицы зашевелились в ботинке Али.

Вторым номером выступала не известная мне группа; и слушая, и наблюдая за ней, я понял: для того, чтобы скрыть свою

внешность, недостаточно еще сходить к парикмахеру, а, пожалуй, лучше раздеться. Помещение вдруг заполнилось скачущими бешеными бритоголовыми обезьянами, а лидер их скакал полуголый по сцене, воя <и махая> руками, как чертова мельница. Казалось, обезьяны штурмуют рейхстаг с криками «хайль Гитлер капут».

Третьим и последним номером была группа «Когти Дж. Крагги». В каледоскопе клетчатых рубашек вздувался вопль мотоциклиста, который хотел бы стать садоводом и воспеть свою любовь через огромный цветник.

Ко мне недавно начал прилетать Скворец, наклевываясь в песне. Скворец — сиамский близнец — любимец кардинала, золотой соловей. Кожа у него карточная, и кровяные тельца бубей зацепляются в нем на тысячелистнике сходств недотепы. Черные сердечки пик позвякивают о красные колера червей, заключая морганатический брак в пикейном полете «Жилетта». Близнецы Скво+рцы переливаются друг в друга, как сообщающиеся сосуды. Одна половина скворца заботится больше о египетских посмертных масках, другая, не различающая свою правую и левые руки, глаза, уши и щиколотки, на голосе ткет глубокие габеновы фотопортреты всех, кого знает, и тех, кого не знает: Януса, Умбера, ЛНК-Вальдеррамы, Вовки-жиголо и имярека. Сердце Скворца ходит на одну клетку по диагонали, вертикали и горизонтали и буквой «г», как ходики без циферблата.

Вчера, 16 января, я хотел сходить в гости к Жемже-южелице, для чего обошел дважды мимо двух детских садиков, но в последний момент передумал и пошел в книжный магазин «Лысая Кузина». Когда я оказался внутри, люди не то чтобы расступились, но свободной, вакантной от покупателя осталась только одна полка. Я не слишком-то долго рассматривал книжки, пока не почувствовал, что кто-то еще ждет очереди. Вот что мне удалось разобрать: в одной из книжек речь шла о башенных и наручных часах, в другой — о бесшабашной молодости одной вкрадчивой старухи, в третьей об индийском цирке глотателей лампочек и мячей, в котором выступали змея и обезьяна, и факир с павой, конечно, в четвертой начи-

нались похороны, а после чьи-то мать и отец переговаривались через дерн в дождёвый пожар, в пятой речь шла о медленном пароходе, прибывшем в Новый Свет, и об итальяшке, взирающем на острова зрелищ. Шестая книга ждала меня дома, купленная загодя, и называлась она «Черевичные пяльца», а автором ее был Герман Сергие́вич.

Возможно, все представляется нам в ином, обманном свете, ошибка ждет нас, как результат постоянного повторения, склеротного припоминания, аллюзии сходств, и найти ошибку можно только путем проверки длиннющего столбца рифм в «Евгении Онегине», как сделал то Даничка Давыдов в поэме о «великане, ступающем осторожно, чтобы не раздвоить». Возможно также, что при созерцании текста «Собутыльника Сомнамбулы» нам представится поверхностная часть перевернутой горы Арарат, как она изображается на одноименном четырехзвездночном коньяке. Но детский конъюнктивит опять размывает фасеточное фасциево мое зрение, а его поле превращается в одно спящее сплощьАДЬное бельмовое пЁнтьно. Пойду покурю.

Вчера, постукивая локоток трубки о край «идеи стола», приходил Умбер, сводный брат Али, принес с собой *aquillo importenz umber edax*. Сводный брат он Али потому, что день раджиения первого, то есть как раз Али, приходится на восьмое января, что совпадет с днем рождения моей сестры Ирэны, а день родов второго припоминается как не на 17 июня, когда никто не родился (кроме муравьишки) и никто не умер, а на двадцать седьмое, когда мы с сестрой ходили на фильм о сеансе одновременной игры, данном Ильиным-Женевским в Баку. Жертва ферязя. Клабздищенский гамбит — наша пляска. Итак, родители Умбера жили некогда под бабушкой Филиппа Красивого, а моя бабушка была соседкою с бабушкой Паблы в 27–26 квартире в доме под часами. Мы с Умбером и Янусом вчера также втроем смотрели фильм о мужчине, которому стали вдруг слышаться женские мысли после того, как он в чюлках упал в ванну и его стукнуло током от женского фена. Два слова было сказано еще и про коричневый творог. Мы вспоминали о двух наших друзьях Филе и Пабле, как если бы нас было четверо в тот вечер. Умбер сказал, что все его жен-

щины-подруги (не любовницы) живут на двух соседних лестничных площадках, или в трех соседних домах. Не исключено, что оне ездят с его любовницами в одном вагоне метро и трутся друг о друга рукавами пальто, случайно наступая на ножку. Умбер — латышский блондин с волосами, которым завидуют все без искл. дамы, с мелодичным голосом, особенно когда он произносит слова «винасик» и «пивасик», спаокойный, !будь спок, Пижамин! как питон, брат человека, которого подозревают, как содомита. Умбер заночевал у нас.

Итак, мы с Али и Янусом вышли с концерта и потащились к Яве по улице имени Пифагора, простите, по улице Пирогова, дождь перестал, и черный асфальт сверкал мелкими янтарными каплями мороси. Фонари искрились, как одалиски, как фанфары, и облетали, как ветрянка. Мы пили портвейн «Чашма, Узбекистон виноси». Мы взяли курс на остров Ява. Был мертвый штиль.

ПЕРЕРЫВ НА ОБЕД. УМБЕР ПРИНЕС СВОЮ СТАТЕИЦУ «КАРАВАНИЗАЦИЯ МАКОВ»

Несколько недель назад газета La Reppublica вновь подняла тему, регулярно обсуждаемую в стране: когда политик считает, что против него выдвинуты несправедливые обвинения в прессе, он предъявляет иск за клевету, и это «правило» соблюдается строжайшим образом. Напротив, если та же самая персона видит себя на карикатуре, то обращение к правосудию раздражает нас и кажется нам постыдным. Почему?

Политическая сатира — вещь серьезная. Газеты со всей земли каждый день печатают сатирические «виньетки», не обязательно смешные, но бесспорно несущие политический посыл, причем автор картинки полностью несет за нее ответственность.

Поймите меня правильно, я не имею в виду карикатурное изображение физических недостатков, я говорю о тех картинках, в которых содержится определенная точка зрения и насмешка над тем или иным поступком. Проблема стара как мир, и она состоит именно в этой «насмешливости». Если я

скажу с улыбкой случайно встреченному приятелю: «Как дела, чертов ты повеса?», то все будет в порядке, ведь я на самом деле не считаю своего друга повесой. В то же время поприветствовать таким образом президента Республики или Папу Римского было бы самое большее дерзостью. Напротив, если я скажу кому-нибудь в присутствии публики: «Коррупция — сложное искусство, вы узнали об этом на собственном опыте», мне будет трудно сделать вид, что это была шутка. Тогда меня обвинят в инсинуации, а между инсинуацией и клеветой сложно провести различие в суде.

Во все времена ничто не могло так обличить пороки эпохи, как юмор. Так, насмешливый карандаш хорошего сатирика точнее бьет в цель, чем глубокая статья. И потому законно ли предавать карикатуристов суду? Априори — да, но никто не хочет этого признать. Получается, что атаковать автора статьи, который назвал вас вором — отнюдь не проявление цензуры, тогда как злиться на меткий рисунок художника — угроза свободе прессы.

«Право» на сатиру покоится на двух «столпах» культуры Средневековья: на фигуре королевского шута и карнавале. Королевский шут мог позволить себе самую жестокую критику и насмешки в адрес монарха. А карнавал — это синоним вседозволенности: можно вспомнить о римских легионерах, которые, не стесняясь, пели о «царице» Юлии Цезаре — очевидная аллюзия на гомосексуальные проказы полководца, реальные или вымышленные. Но королевский буффон мог демонстрировать свое искусство только в замкнутом пространстве двора. Если бы ему пришла в голову шальная мысль выступить на городской площади, он был бы тотчас повешен. А разгул карнавала длился всего несколько дней, подобные действия были непозволительны в другое время года.

То, что политическая карикатура получила такое распространение — проявление более широкого феномена, типичного для наших дней: карнавализации нравов.

Карнавализация нравов — это возможность каждый день смотреть комические фильмы и шоу по телевидению. Карнавализация — это когда в Америке участники съезда политической партии появляются на публике в смешных костюмах

и принимают позы, достойные спектаклей, что дают на Бродвее. Когда политик, выступая в теледебатах, выдвигает серьезные идеи, тогда как рядом с ним молодая субретка в блузке с глубоким вырезом рекламирует календарь, в котором можно увидеть ее прелести. Венец этого социального маскарада — когда Иоанн Павел II, почтенный и добродетельный старик, присутствует на молодежном концерте, на котором рок-певица демонстрирует свой пупок — никто бы не позволил ей сделать это на частной аудиенции в Ватикане.

Карнавализация жизни — это утрата различий между реальностью и зрелищем

Игра в моралистов ничего не даст: такова наша судьба — граждан, живущих в век, когда средства массовой информации проникают всюду, и нужно уметь жить с этим. Но когда мы, подобно канатоходцам, идем по тонкому шнуру, балансируя между серьезностью и фарсом — именно так и происходит в случае с политическими карикатурами — мы утрачиваем чувство реальности. В какую сторону склониться? Проблема кажется неразрешимой.

4. В ГОСТЯХ У ГОСПОДИНА ЯВЫ

Сегодня, 17 января, простившись с Умбером, мы с Янусом направились в башню ВЦ. Добравшись на лифте до седьмого этажа и поднявшись на восьмой, мы оставили верхнюю одежду в шкафу и спустились на лестничную клетку с большим окном, чтобы покурить. Солнце в безоблачную погоду было сегодня ярче на один гран, чем вчера, как было заметно по чайной капле на белом кухонном столе еще утром. Мы были словно на колесе обозрения и смотрели газету «Весь Городок». В офисе я нашел книжку Мелетинского с воспоминаниями «Моя война и моя тюрьма», где он привел историю о самострельщике-азербайджанце, который рвал деньги перед обступившей его толпой, плача крупными слезами, слушая, как говорят о его расстреле. Азербайджанец, услышав утешение «может, не расстреляют», спрятал поредевшую пачку в корман. Милет также рассказал о своей жене-интеллигентке, противопоставлявшей его, своего мужа,

малокультурному парнишке, но так и не вышедшей снова замуж после развода, говорившей по телефону «ась» и чуждавшейся своего благородства, написавшей Милитарскому в Ташкент, что она, как и ожидалось, разочаровалась в его героизме. В главе о тифлисской тюрьме Мелетинский пишет, как поезд вез его в безоблачную погоду по берегу моря, как он поймал пневмонию и плеврит, и был переведен в тюремную больницу, вскоре после чего по тюрьме прокатилась эпидемия тифа, выкосившая многих его сосидельцев-вояк (лиц, брошенных в тюрьму с фронта за ту или иную военную провинность).

Янус оставил желтую закладку в книжке «60-е. Мир советского человека». По случайному совпадению и я, и Янус прочли последней одну и ту же фразу, и пришли к соглашению, что после этой фразы книжку можно пока отложить: «В России эрудиция всегда была тем, что отделяло голубую кровь от плебса».

Покурив, я вспомнил фрагмент воспоминаний Лотмана о службе на артиллерийской батарее. Погода и здесь была тихой, а небо без единого облачка. На другой стороны Дніпра стоял голый месяц, простите, немец, он мылся, подавая приветственные знаки Лотману и всей его батарее, намекая на скорую встречу. Лотман приказал палить по нему из орудия. Разумеется, на точность попадания рассчитывать не пришлось, но немец скрылся, оставив от себя след в теории знаковых систем, которая в тот день праздновала свои именины.

Мы познакомились с Явой на киносеансе в «Моченых сухарных бананах» — небольшом зальчике, устроенном прямо в оранжерее, где лианы свисали с лимонных дерев, а плющ обвивал торсы статуй с обломанной частью тел. Кинолекторий вел лысоватый старичок-с-кулачок в огромных плюсовых очках, с руками, походкой, и черепаховой речью коллекционера. Демонстрировался какой-то фильм — или «Аталанта», или «Мужчина, который любил женщин», где герой погибает, потянувшись за полой халата медсестры и оторвавшись от капельницы. Знакомство состоялось на улице: Ява спросил: по-футуристически ли будет разбить все телефонные автоматы по улице Ильича. Я сказал ему, возражая, что по-футу-

ристически было бы вызвать из всех автоматов пожарные машины на Плешку (другой вариант названия — Плашка), что на задах театра «Перно».

В то время я имел флирт с Николаем Сипаевым, поклонником дуче, Д`Аннунцио и Маринетти. Рассказывали, что в этой рощице за театром Сипаев выебал китайца, который затем еще и обосрался. Я дал ему почитать гамадрильский мадригал «Что написала сиротка Марыся своему возлюбленному», где были и такие строчки: «Веки оправлю, щеку, Колечка, лизни по-щенячьи, когда я выйду на крылечко». Он ответил мне стихами «Мой грустный грех прости мне, Гриша» и «Мой фюрер». Мы беседовали о грусти Верлена, о разнице слов «груздь» и «Тоска» на станции метро «Ручной зверек». Он был мясолицый, и напоминал до посинения молодого французского актера шестидесятых годов, лоснящегося от пота, с приклеённым носом. Когда же вздох платонической любви опустился до моей немеющей жопы, я почти осязательно осознал весь ужас своего положения и отверг его ласки. Как мы потом вспоминали с Явой, Сипаев ставил спектакль, где выбегал на сцену в голом виде, а также писал диссертацию о Гельмуте Коле.

Диагноз № 3. Описание ишиаса как одного из наиболее частых заболеваний позвоночника обнаруживается в трудах известных авторов древности. Так, Гиппократ (460–377 гг. до н.э.) описывает «боль в бедре, крестце и ягодицах с иррадиацией в бедро». Использовавшиеся им лечебные теплые ванны и компрессы применяются до настоящего времени. Галлен (130–200 гг. н.э.) пытался найти причины заболевания спины в образе жизни пациента. Он считал, что спина будет болеть у человека, злоупотребляющего вином, ведущего праздный образ жизни, склонного к сексуальным излишествам. В качестве профилактики он предлагал умеренность и воздержание, а в качестве лечения — очищение организма путем кровопусканий. Галлен описал мышечную систему как «единый комплексный орган движения» и продемонстрировал физиологическую взаимосвязь нервной и мышечной систем. Описывая физиологические и патологические состояния

позвоночника, он впервые ввел такие термины как «лордоз», «кифоз», «сколиоз». Он же предложил активно исправлять деформации позвоночного столба. За то, что Галлен лечил гладиаторов его назвали «первым спортивным медицинским специалистом». Первое точное анатомическое описание позвоночных дисков принадлежит Vesalius (1543). Термин «люмбаго» ввел Sydenham (1624–1689), который детально описал это состояние. Contugno (1736–1822) приобрел известность подробным описанием в книге De Ischiade Commentarius (1764) симптоматики и лечения ишиаса. Успех трактата был столь велик, что ишиас некоторое время называли болезнью Контуньо.

Вчера, 18 <января>, ходили на укол в Ординаторскую больницу на Пироговке. Там удалось прочитать вышеприведенный отрывок. Сегодня утром Янус пошел со Скворцом в Церковь, а я — на футбольный матч. Там встретил опечаленного демона плодородия Борюжку и болгарца Матейку, который напомнил мне болью в спине о сне, виденном мной ночью. Во сне турок или курд Ишиас танцовал танго с мадьяркою или индианкой Люмбаго, после чего они сели за трапезу, где закусывали камфору корпией, пия желудочный сок из предсердий, бавленный коньяком, жалобно цедя пени. Танцовали они, словно на картинке.

Ночью приснилось, что квартиру берут измором, вернее, сразу две в одной. Надо бы вызвать милицию в лице Друга ситного из города Антона.

Сам я вчера пил святую воду, куда капнул корвалола, вечером и ночью болели старые раны и узлы, как будто прорезывались почки. Утром сон как рукой сняло.

На странице одной спортивной газеты Дядька прочел две строки о травме: у футболистов Сонина и Ромащенко произошел разрыв крестообразных связок. С. Сонина, моя любовь, девочка, больная лейкемией, приснилась мне, в моем сне она была невестою поэта-палиндромиста Вити Ромащенко, который затем стал работать в «Доске объявлений». Мне кажется, что это как-то связано с войной в Ираке, поскольку дядька ел вчера с Антоном Карасей.

Ява жил в лампе с зеркальцем на цоколе, не в лампе, в торшере. В паруснике простыней. Ява — Эфиопская Эвридика, живет на девятом этаже в доме номер 78 по улице Иванова. Его бабушка, которую я вспоминаю только как хозяйку Тома и Джерри, как фрекен Бок по колено с халатом шерстяными колготками и тапочками, стала забывать слова и ушла из дому. Одно окно явиной гостиной забито клетчатым детсадовским одеялом, цвета сваренного чифиря. В темном, как одр Маяковского, саркофаге живет Ява. Высоченные его книжные шкафы заимствованы из лавки гробовщика. В них живут целлулоидные, гашеные известью и одеколоном «Кипр» книги, чтобы уберечься от серебристой моли и планктона. На дне розеточки, куда попадает лучик в щелку, отражается виселица с белой грудки черного кота. Наша любимая песня — рамаллах — из циганской жизни. Ява Мошкин похож на Рембо, стоящего на аденском подвесном мостике. Из балконной двери открывается вид на вокзал в Адлере, с огромными часами. Ява — метис кавказца, цыгана, арапа. Он не знаком с Додею Давыдовым, что дает мне повод подозревать в нем Ибрагима Петровича. Ява изучает одну санскритскую книгу, где ищет выпавшую ижицу, эту буквицу, которая, как правда, глоза колет. Он ищет ее как иголку в верблюжьем ушке, в потемках своей опиумной квартиры, где все столы квадратные, и хоть глаз выколи, поскольку постоянно включен телевизор. Все, что видит Ява — это распылительная пыль, клубящаяся в свету голубого экрана, дающая взгляду различные фигуры, например: два корабля, сияющий крейсер и пятипальмовой регаты цифирь, покоющаяся, как на ладони, в самом сердечке живого циклона. Ява — гадатель на Таро, он гадал мне, точно следуя инструкции (которая прилагалась в комплекте) дважды: выпали карты Дурак, Человек с золотыми чашами на берегу моря — мот, скряга, понтифик, шестерка мечей, перевернутый маг, колесо фортуны, карнифекс и Глория Мунди. Я — соринка в его глазу, он — бельмо в моем. Ява — Энглиз, он носит одну доху, баранью шапку, круглый год сандалии, пиджак с искоркой в звездочку синий, его глаза полны кремня, когда он проходит по почве клумб, корни цветов начинают тлеть, и тогда он поднимает голову и смотрит на

облака, из звезды падают, как слезы, в его темное конское око. Он смугол, как и демон Плодородия, как и Филипп Красивый. Я — имярек, и есть та пропавшая ижица, которую он ищет. Вспоминаю прогулку по украинским гривнам, которую мы совершили поздней майской весной, когда сильно пестрилась краска домов, когда Господь вытер нам глаза чайной ваткой, прогнав глаукому и конъюнктивит, когда словно раскрылась небесная ширма, побелела сковородка и открылся малоросский вертеп, один небесный Кїев, и поливальные машины оросили киоск, озираясь от божьей росы. Ява едет на быке, обезьяне — Суматре и Калимантане — на индийском слоне, совокупляющимся со слоном африканским, он моет сапоги в Индийском океане, а спать укладывается в Джамму, где видит прекраснейшую турецкую мечеть, и просыпается, как Иоанн Дамаскин, не узнавший в себе багдадского хашишиеда, принимающий свое посмешище за побиванье камнями. Ява пьет заварку, разбавленную водой из-под крана, и носит галстук при поднятом крахмальном манишкином ворочке. Одна беда — он не знает пословицы, что на всякий роток не накинешь платок. Мы с тобой одной крови, как Кинешма и Винница. Ява нагадал мне близняшку Аню Идельс и Аню Пугач. Дым в квартире его курительной трубки вьется, как винтовая лестница, как стремянка. Он рассказывал, что в Тобосской больнице к нему подошла полуумная женщина и стала вякать, выпрашивая папироску. Джек Потрошитель не трогал сумасшедших. Ява двойник реки По. Он получил свое имя после того, как неделю пробыл солдатом в яванском зверинце в январе, когда все зверки психушки катались на створках дверцах вахтенных вертушках, щебеча и картавя, а ангелы-врачи теряли и считали часы.

ПАУЗА.
МЫ ЕДИМ ПОЗЫ В БУРЯТСКОЙ КУХНЕ

Как часто в нашей жизни мы сталкиваемся с повторением, механическим и болезненным! Сколь многих удалось ему ввести в обман. Ведь повторение — слуга глупости, ее посыльный, дядька ума человеческого, притворный друг опыта,

часовщик сердца, рука в силке. Меж тем повторение — единственная зацепка для сонной памяти и одновременно ее препон. Повторение — ошибка, в результате которой человек впадает в забвение мира вещей, и одновременно то, чем он выдает себя, сам того не зная, выставляя себя в смешном виде.

Мы знаем, что в старости люди склонны забывать слова, но они же склонны к такому воспоминанию, которое стремится к единице, к остановке, которое хотело бы стать одним, бессчетно повторенным словом. У иных это проявляется и в более раннем возрасте. Расскажу один случай: мой друг работал сторожем на стройке, раз я пришел к нему в гости, где и состоялась моя встреча с Т. Это был простоволосый худощавый мужчина с узелками, шишками под белесыми глазами. Он крепко пожал мне руку, назвав себя, и вдруг принялся читать стихи: первым был «Вересковый мед», за ним следовала непристойная песня из тех, что поют в детском саду (слов было не разобрать, кроме матерщины). Третьим и последним шло стихотворение М.Ю. Лермонтова, знакомое всем по школьной программе «Смерть поэта». Т. начал: «погиб поэт, невольник чести, пал, заклеветанный молвой». Он постепенно повышал голос, пока не достиг пароксизма в троекратном: «Убит! Убит! Убит!» После чего он вновь протянул мне руку, не узнавая, и представился. Так повторялось трижды или четырежды. В первый раз мы испытали удивление, во второй — переглянулись, в третий — с трудом подавили смешок, в четвертый — почувствовали себя в его власти. Помню его голову, покачивающуюся под светом лампы накаливания, и его губы, беззвучно шепчущие что-то. Когда я рассказал об этом своему дяде, посетовав на беды, какие грядущее сулит алкоголикам и старикам, то он резонно, и словно на меня намекая, возразил, что повторяться свойственно каждому человеку.

Это происшествие основательно подзабылось, но недавно я вдруг вспомнил, как сам впервые почувствовал, что в груди моей трепещет и поет в моей голове птица, когда в еще в школе прочитал это стихотворение Лермонтова, вслух, перед классом. Вспомнил, и как судорога пробежала по моему телу, как побледнел я и словно взглянул на себя со стороны, как раз на

слове «убит». Вспомнил я и то, что всего два года спустя, двадцатикратно прочитав одно стихотворение Пушкина, я уже не мог сказать, о чем оно, как будто бы полностью его прослушал. Стихотворение это заканчивалось «как тяжко я страдаю».

Когда мне было 11 лет, мой друг Женя Бройтман научил меня, что в любви нужно изъясняться намеками. Вскоре мои намеки стали настолько отдаленными, непрозрачными, что их никто уже не понимал.

Когда мне исполнилось 16 лет, я писал стихи, и один преподаватель описал это так: «Витя ломает палку языка».

В стихах я все дальше удалялся от описания чувств, несмотря на то, что реалии часто бывали первым импульсом к высказыванию. Но слова должны были схватить еще не бывшее чувство с другой стороны, после небольшой паузы, кольнуть в сердце. Мне хотелось, чтобы событие лишь отдаленно напоминало о себе в тексте. Поэтому первичным материалом, точкой отсчета часто становилось не само событие, а воспоминание о нем, его призрак. Для того, чтобы написать стишок, я прибегал к следующей операциям с повторением: многократно думал о слове, приближая его к пределу до тех пор, пока оно не утрачивало для меня смысл. Это было нечто вроде мономании — болезненной сосредоточенности на одном предмете. Затем я отвлекался — и появлялось следующее слово, которое сходствовало с первым, было его «побегом». Иногда я пытался «вспомнить» стихотворение, как если бы оно состояло из забытых слов или слов, похожих на них. Первым всегда было усилие забывания, афатическая пауза, на дне которой мелькал образ предмета или забытое имя птицы.

Стихотворение можно было считать удачным, если после ряда слов в нем появлялось слово-пароль, стягивающее текст и внятное сердцу каждого. Либо текст вертелся вокруг этого слова, не называя его. Это слово помогало избыть власть повторения. Мне хотелось добиться того, чтобы целая строфа воспринималась как одно слово, которое иначе нельзя произнести, читать ее следовало целиком. Стишок был снимком моего ума и жизни моего тела, накопленной к моменту его написания. Он показывал своеобразное «тело ума», проницающее всего человека.

Мой дядя частенько воровал книги в городской библиотеке: так на его полку попала книжка Геннадия Айги «Здесь». Дядя почитал Айги первым поэтом среди ныне живущих и самым главным после Пушкина и Хлебникова. Эта любовь передалась и мне, но не сразу. Однажды я читал стихотворение Айги, и не усматривал в нем связи слов. Вдруг что-то отвлекло меня, я посмотрел вокруг и увидел текст Айги перед собой — он стал лугом, деревом, онемевшим от пения. За подбором слов вдруг услышался какой-то прекрасный, непонятный и незнакомый язык, но он смог возникнуть лишь благодаря тексту написанному.

Я стал стремиться к тому, чтобы «кажущийся голос» звучал и в моем тексте. Только я использовал рифму явную и скрытую. Ритм, удачно найденный, возможный только в данном тексте, позволял лучше схватывать аффекты и произвести их снятие.

После нескольких экспериментов с фонетической заумью я обратился к зауми словесной — я хотел произвести изъятие, выемку смысла из понятных слов, приурочив это мгновение к снятию аффектов в читательском восприятии. Полностью текст мог реализоваться только в голосе: мне казалось, что каждое слово в голосе вооружается копьецом, а точность порядка слов определяет меткость броска.

Иногда мне задавали вопрос — зачем написано то или иное стихотворение. Сперва я пожимал плечами. Но потом решил ответить, хотя бы для себя. Цели могут быть разными. Например, стихотворение «Jeanne DARK» — любовный заговор, в котором под именем Жанки выступает и «автор», и «объект» его любви. Имя становится медиумом, а само стихотворение — спиритическим сеансом, цель которого — украсть сердце возлюбленной.

Всегда я мечтал сочинить комедь. Одной из попыток стал «Собутыльник Сомнамбулы» — поэма в пяти частях, в которой две фигуры, «внутренний человек» и его «соглядатай», ведут между собою разговор. Тема их разговора — второе пришествие, которое представлено в тексте негативно. Нагнетая мрачные образы, я стремился достичь их снятия в конце. Читать ее следовало речитативом, с минимальными паузами,

по памяти, добиваясь механического звучания. Задача чтеца — представить зрителям человека, глаза которого вращаются во все стороны — фигуру Всеведа, в духе Яна Комменция. Сыграть машинку для извлечения звуков.

Чтению вслух я учился у И. Лощилова, Тома Вэйтса, М. Соковнина, записи которого привез в наш город Вс. Некрасов. В последнее время читаю стихи в рэповой манере, чтобы уйти от традиции, заставить слушателя по-иному воспринимать слова, через несоответствие текста и манеры чтения, а также для того, чтобы подчеркнуть комичность своего положения.

Однажды мне были сделаны три упрека: а) в номинализме, б) в реализме, в) в умозрительности, и все в один день. Умозрительность — пожалуй, поскольку, делая текст, я исхожу из посылки, что «ошибка в понимании» заложена в саму природу знака, что между именем и вещью образуется чуть видимый разрез, как если бы вновь приставить к телу отрубленную голову и добавить бальзама.

Я, конечно, не приглашаю читателя к созерцанию божественного лектона, это было бы слишком. Самым важным моментом, связующим чтение незнакомого текста и создание своего, мне представлялся момент непонимания, но такого, которое вызывало бы сильное жжение в груди, между легкими и сердцем. Стихотворение должно производить такой же эффект, как выпитая стопка водки на поминках по любимому родственнику. В такие минуты водка и «Прима» меняют свой вкус, становятся сладкими. Я хотел бы, чтобы при чтении текста у читателя возникал иллюминацион, чтобы он был оглушен, пронзен насквозь («убит, убит!»). Стихи должны проницать человека, делать его стеклянным, подобно лицензиату Видриере. Это чувство я испытываю, когда читаю строки Яна Сатуновского «Приснились двоюродные дядьки, дядя Леопольд и дядя Мулле». Я и сам стремлюсь к такому письму.

ОБЕЗЬЯНАГЛАВЛЕНИЕ

Часть 1. Царственный узник № стр.

Гл.1 Триумфеминат
~2 О детях и взрослых
~3 Ретапуаль
№4 Охотник за языками
5 Молчалин — незаметный герой истории
6 Первый гудок паровоза

Часть 2. Похождения известных петербургских действ

Гл.1 Прогулка с факелами
!2 Когда мертвые сильнее живых
3 Род фонвизиновского Митрофанушки
4 У Белого моря
5 Гаргантюа
6 Плесневый бульон

Часть 3 Шлиссельбургская катастрофа

Гл.1 Чувствуя себя в положении коменданта осажденной крепости
?2 Правдисты военные журналисты
3 Первая ссора
4 Война 1914–1918 годов
5 Бедная Франция
6 Небоскребы в кольце лачуг

Гл1 «Сила событий» с откликами на франко-прусскую войну
@2 Драгоценный узелок
3 Чрезвычайный посланник
4 Среди красных холмов Мадагаскара
5 Фарс окончен
6 Курьер принцессы

Часть «Пятая». Алексеевский равелин.
Гл1 Пенициллин
*2 Путешествие
3 Бюро кормилиц
4 Знахари и кузнецы
5 Самый старый на земле
6 Опять роман набоборыкал

Часть «Шестая»: Нашествие Наполеона%

Гл1 Эстафета
Гл2 Платочек мадемуазель де Лавальер
Гл№3 Центральный вопрос
Гл 4 Законодательное чрево
Гл 5 Без памяти на французов поглядываете
Гл 6 Слишком короткое счастье

Часть седьмая «Кочерга» Бегство французов

Глава 1 Первая надежда — лизоцим
Глава 2 Первая девушка
Глава третья Половить рыбку в мутной воде
Глава 4 Набережная Анжу, 9
Глава 5 Инициации
Глава последняя Где говорится о садовниках, лестницах и фрейлинах

Конец книги первшей, положенной на лопатки

***

PS. Вчера я читал записную книжку-молитвенник. Сегодня крещенье, рецепт № 1: мандариновый сок и кефир, кофе по-венски? Молочный коктейль, «Беломор», «Ностальгия Прима Сталин-Ленин», вкус ладана, меда, ссохшейся травы; ватки спирт изо рта пахнет лекарствами, а у Януса — вечером помойкой, утром — ладаном; встретил слепого священника в черном, перекрестился, оставив его за спиной, по католическому обряду; звонок Дины, контакт с Антоном установлен, проглотил огонь папиросы, прочистил ушки факелами на ватке, «Москва», да нет, коробочка, из шкатулки святителя Пантелеймона минюскюльной ложечкой отведал миот.

***

Митя, видит Бог, я устал, Митя... Привет. Пишет Витя Іванів, и мне хочется повторить «Митя, не обижайся», хотя я и не знаю, почему Давыдов считает, что от него останется именно эта строка. Итак, Митя, не обижайся за мой к тебе домой визит, и что тогда произошло. Ты вправе меня после этого «загнобить» и представить дураком и невменяемым во всех глазах. Но я надеюсь, что этого не сделаешь, поскольку «Город Виноград» адресован тебе также в числе трех человек: Филиппа и Януса и тебя.

У меня был психоз, это правда МДП, тетя моя — травматолог а не психиатр, а психиатры склифы в Москве мне попытались припаять шизу. Но сейчас психоз прошел, мне уже *намного лучше*, и я хочу спросить тебя, сможешь ли ты издать мой «Виноград», взаправду ли ты хочешь написать обо мне memoire, и не можешь ли ты захотеть и сделать так, чтобы и моя страница появилась на сайте «Вавилона»? Ты меня держишь, конечно, в черном теле, печатая стишки, но жаловать-

ся грех — вспоминаю огромную свою подборку в «Нестоличной». Насчет мемуара — я делаю сейчас третью свою повесть, после «Винограда» и «Брезгливости и омерзения» — «Брезгливость» слаба и плохо написана, но она важна для трилогии — истории трех болезен. Все, что ты делал до сих пор с моими текстами, было, конечно, медленно и неправильно, и потому жаловаться снова грех. Высылаю тебе начатки третьей повести — и прошу месяц для ее написания — высылаю в качестве подтверждения своей вменяемости и/или наоборот. Для «Винограда» мне тоже нужен был месяц — и я почти уложился в эти рамки. Обнимаю, дорогой Митя, и говорю тебе, что люблю тебя в числе четырех человек: Януса, девушки, похожей на мальчика, фантаста Филиппа, Ани Идельс (см. «Виноград») и Юли Идлис в одном лице, и тебя мой Deamon. Смотрю на солнце сквозь бутылочное стеклышко и вижу в нем тебя.

***

Витя, дорогой, слава богу, что ты откликнулся! Я стер твой номер телефона в прямом смысле. Я не мог дозвониться, теперь слава богу... Не очень ли ты поуродовался? Ты себя береги по многим причинам, одна из них, что мне тоже кажется, что он пролетел, не взирая на мою похабную торопливую жизнь. Я тебя точно не позабуду. Так что все нормально. У нас холода «минус пиздец». Так страшно, что даже алкоголь в меня не лезет. Кажется, на мне ни одного целого волоса не осталось — хожу совершенно белым, скриплю, как снег. Что с тобою? Меня точно снедало тревожное чувство за тебя. Я пытался связаться с тобой сразу, как начал читать, на пятой странице уже. Ну и без страницы мне хотелось видеть тебя и говорить с тобой. Пришли мне свой адрес, т. е. Тот, по которому тебя настигает обычная лошадиная почта, я пошлю тебе «Кузнечика» и что-нибудь еще.

Обнимаю.

Nik

Виталик, привет! Я хокку не люблю, и хоккей тоже. У меня крупные проблемы с деньгами — я не работаю с июля месяца, поэтому как мне кажется, деградирую умственно и морально. Тоска меня берет — все кажется ложной заманкой. Меня уволили из магазина — там я стер пятки, не могу даже продавцом работать... Поэтому ничему не хочется верить — для семинаров я уже староват.

Ты становишься вакхическим поэтом. Стихи читаю, как глухой, и голос представляется замогильный какой-то. Перечитываю твою подборку в «Вавилоне», мальчика заспиртованного в особенности. Но больше всего люблю стишок про хочется выйти на звук и в воздухе два корабля. Я написал повесть в августе и два стишка, которые послал — летом. Пока не знаю, о чем дальше делать стихи. Мне поэтому также грустно. В Липки я не поехал — мне в феврале писали, а я не ответил. Помню, как в прошлом году девочки с первого курса литинститута учили меня писать — читали, коверкая, самые трепетные строчки, и говорили: «Я ничего не поняла, три раза прочитала — это бред». По-моему, это были насмешки недостойных над достойным. Был еще мудила из Волгограда — он интересовался только мнением о книжке своей «Рок». Нет друзья, так нельзя. Смотреть на депутатов и Починка мне тоже не понравилось, и что бегала женщина и заставляла эти выступления слушать. Из всего пребывания в Липках рад был только тебе и Кате Садур с ее прозой о моем родном городе. А бухать можно и дома. О том, что я еду теперь в Москву, мне как-то стыдно было и не хотелось признаваться, даже думать об этом не очень хочется. Конечно, можно подумать, что в душе-то я торжествую: всю жизнь мечтал, чтобы меня вызвали куда-нибудь, сам палец о палец не ударил, ленился даже запятые ставить. Че ж ты в наш город не заехал? Правда, тут не особенно чему можно удивиться. К тому же сейчас простуда гуляет...

Больше всего я футбол люблю, а не стихи. Болею за ЛОКО. А в воскресенье мы проиграли со счетом 8:0, и я попал в перекладину. И вообще, я считаю, что автор помер и человек, и главное — читатель. Вот.

Привет Андрею и всем, кого не знаю. Присылай их стихи.
А кто такая Яна Еланцева? По-моему, какая-то лесбиянка — у нас даже есть клуб «Сафо». Может быть, она оттуда?
В.
Но ты меня не обнимай, моя этого не правильно понимай...

ДОК № 01

Игореня! Привет. Буду к кафолическому рождеству
Есть новая игра — «контакт» (full contact_fool.contact=)
Мой новый адрес: вфзртффдшпрфещкш» =°reflections°
Енятеналпониилетелирп (см. Зевгма глава о мальвине)
Янус=Venus=venin=bohemian
Курю Давидофф Магнум
Был сегодня в музее маяковского
Солнечное затмение, как ты верно заметил было как ты верно заметил
Не в 1984 году, а 9 апреля 1982 года. (эту информацию я получил из вывешенного на лубянке патента на открытие планеты имени владика которая вошла в солнечную систему. Бланк. Нашел зеркало.
АСЦУ
Мне кажется что наша школа школа имени ильича стоит себе как и стояла из красного кирпича ян сат пиво під ватку жрат — спасибо одному азеру чтоб его никогда не сглазили когда мы выйдем на WC тчк

Помнят пожарные помнят милиция помнят фотографы нашей столицы то что у кошки в чулане хранича и хромографы тож

Играем гамму доремифасоля сифилис в домреми лист это дерево дерево франция крона корона ствола валуа купил клозевица и египетский пахот.

Брюкву на словах передай или письмом что если мы с шепелем в этом году не получим --отметину- то вас обоих ждут крупные как градины неприятности в нашем лице: я изобью бирюка кулаками (помнишь сережа бирюк — мы ведь не в

бирюльки и не в микадо играем) — а шепел тебя потопчет тапочками набитыми яблочными попотчует тревожными отрыжками огрызками).

Место встречи изменить нельзя — что твоя немка не проснулась? Буди ее. Берлин Александр плац.

Позвони по телефону 3315 и скажи, чтобы моя жена учила мои стихи наязусть то есть на зубок, а то у нее зуб на зуб попадать начнет.

Вышла книжка дебют прошлого года «Война и мир 2001». Привет от Зом-берг и Сугатова Леры (он не в курсях, правда, что ты редактор «Черн».

Перечитай назидательные новеллы сервантеса о лиценциателе.

Яночке-детусе скажи: пусть человек по имени womb продаст мой чмок.

Найди скворца у кузнеца и в приватной беседе сообщи ей чтобы ехала к Аленушке (она знает кто это), а Рца отправила в питерку.

Mangete bene spartani cenabimus sera con dei.

Собери все мои тексты у себя и щета борюги и прилуча и урнина и миняя, перечитайте их как септуагинта и пришлите мне.

Человек по имени николай — он нам не друг.

Ветрянице-виннице передай пусть выбирает: шить или вышивать гладью по cell0 но все равно она не может при этом проявлять признаки непоминовения и подстрекать к бунту.

Познакомься с Явой Жемжой Лешей и Титей.

Сашке Б. Сообщи что «протос» — этоновая эскадра viola.

Не звони пока ни в похоронную ни в пожарную не в бесштанную котманду.

Dct cbks yf hfpdbnbt àgbcnjkzhyjuj òfyhf-

Покожи выдержки этого письма редакции и тем кого не знаю.

Пусть Миша Серьга найдет том.

Везу подарки мои джуджу. Взял аденоиды для пещер.

Поклон от кукольника-капниста.

Перьевыкуовалкопавать.

Пусть щека в невеститете с воробьем почирикает о том как бы додю транзитом в новосибирск выписать.

Целую обнимаю

Твой навеки, Петр Биллиард, а ты моя Алоис Ирасек — Ю.

Пусть Дергачов скажет что я хочу видеть этого человека дениса (скажи мне голубушка кого и что мы сегодня увидели — убаюкай меня дай мне пару часиков а мирьям терьям терьям передай ей что изза нее я оставил свой плащ и штаны... береги карточку слушай сокола да мотай на ус себе под нос).
Твоя улыбка теплый стан.
Раз пошла такая пьянка то пусть кузьма подгоняет доски к моему винту.

P.S. Если ты позовешь мне на помощь твоего брата, который в области живет — то я тебя проучю и буду все отрицать.

Да и еще дома я тебе передам все тексты которые я тебе не выслал перед отъездом.
Да науму еще скажи что поизд москва иркутю и что все неоромантики сбоку фантики фантошин.

ПИСАНО НА СОЧИНЕНИЕ ЛОЩИЛОВЫМ НОВОЙ СТАТЬИ

Игорь Евгеньевич: замечена мной была опечатка
в остроумной фразе рене Декарта
сщпшещ укпщ ыгь
cogito ergo sum
мыслю — следовательно — существую
sum — существую,
а кум,
cum — предлог, обозначающий «с» если я не ошибаюсь,
а что уж это слово значит по английски —
то и вообще боюсь повторить,
как бы тут не встретить еще и Фрейда с его оговоркой,
наряду с Декартом и Ницше.
Всего у Хлебникова получается сколько сонетов?
: мне видны, когда над полем, мои глаза бредут,
собор грачей, да и еще вот это
случай.
всего получается пять сонетов

исследование вышло весьма достойное
и даже весьма поучительное
чего не могу сказать без фистулы —
так как болит у меня зуб

коль скоро разорится мое именьице
примусь за хлопотливое дело письмовника
тогда и буду хвататься за чуб

***

Если бы глаза мои видели это,
Мое сердце задрожало б от радости.
(неизвестный источник)

Янусик, привет. Я сижу тут и грущу. Или дую на воду.
Зубы мои крошатся, а мозговые спайки
Превратились в паек для жужелиц, летящих по небосводу
Туда, где Ленин играет с Пушкиным в свайку.

Я хотел бы плевать в потолок и бить в ладоши,
Но открыл сегодня «Трибуну Люду», как говорят в Польше,
И услыхал, как мечтают люди о прошлом,
Говорят друг-другу, что скопировали с груди у Леши.

Ну а мне говорят, что я уж не тот, что раньше,
Жмут плечами и окидывают взглядом скользким.
И я вздрагиваю, как при слове «russian»,
Или как это еще будет по-польски.

Как будто говорят о человечке стеклянном,
О дрянном сердце, о милиционере Яше —
Человечек спит, человечек пляшет,
Милиционер в свисток свистит постоянно, —

Значит, встревожено кого-то предупреждает:
Заберут-заберут или вот забрали, дали по морде,

Словно птице под крышей горящего здания,
Или пусть он там за вас похлопочет, а мы рассмотрим.

Если бы ты это видел, то уже бы скрестил два пальца,
Если бы глаза мои видели это то сердце...
Хотите сказать, что видели, Парацельса?
Бальзам для сердца, любили португальца.

Ну так вот у кого под ногтями черней, у кого подушечки мягче,
У кого как, только в чрево к Левиафану
Самолетик летит, человечек пляшет, прыгает мячик,
Николая Второго в зеркале увидала чрезвычайная обезьяна.

***

Виктор, я оплатила Ваш билет туда-обратно, 12 декабря — вылет из Новосибирска, рейс 722, 24 декабря — из Москвы, рейс 721
Чтобы получить билет, Вам нужно посетить представительство Аэрофлота в Новосибирске по адресу: Красный проспект, 28, телефоны: (3832) 231576, 179693, 179698 — билеты и бронирование; (3832) 233270 — администратор. Они работают с понедельника по пятницу с 9:00 до 18:00.
Очень важно: № заказа 5554011231426
Этот номер Вы назовете при оформлении билета. Да, Вам придется заплатить за эту услугу 100 рублей.
Поменять обратный билет Вы сможете, но заплатив штраф в размере 10% от общей стоимости билета, т.е. где-то 638 рублей. Лучше этого не делать:))))
Ответьте мне вечером, все ли Вы поняли и вообще...
Ирина

***

Витя, привет!!! Поздравляем тебя с замечательным событием. Стас мне сообщил!!! За что была присуждена премия? Где

все это будет происходить? Нам всем очень интересно! Как поживаешь? Как твои дела?

Мы все за тебя очень рады! Желаю хорошо провести время в Москве. Огромный привет тете Тане, маме, Яне, Ире и ее семье. Когда вернешься, напиши о своих впечатлениях!

***

Сережа Сокол, приветствую тебя!

Есть идея собрать сборник «Трое», в который бы вошли Дина Гатина, Марианна Гейде и покорный слуга. Состав сборника выносится на обсуждение, предложение — поэтические тексты в равном объеме вплоть до строк, с моей стороны тексты высылаю. Кроме того в сборник хотелось бы включить сокращенную версию «Винограда» поверх которой Мариам и Динар написали бы свой прозаический текст где шло бы по абзацам: Дина, Витя, Мирьям — равное число абзацев. К стихотворению «Молитва» я бы попросил Идлис написать ответную молитву.

Высылаю также фрагмент новой прозы для тебя «Corpora corporationis» или «Путешествие из Винограда в Антон», коия должна будет завершить трилогию «Брезгливость–Виноград».

Я потерял малиновый галстук, который был завязан мне еще в школе, а сам я завязывать не умею. Я потерял часы. По приезде моему Янусу подарили игрушечную обезьяну с неправильными глазами, и через несколько дней умер кот Люпус — 11 января. Моя кошка Стеша умерла в 2000 году 14 января. Что мне делать, кажется, что кто-то пытается сглазить...

У мамы радикулит.

Припадок, имевший место быть со мной 23 числа, повторял почти день в день подобный припадок восьмилетней давности.

Последний раз я ориентировался на местности в будке метро «Арбат», где определил стороны света через цифру «41» и сказал про себя: полетим по пачке «Беломора».

Попроси Дину и Ирину Личагину, чтобы молились за меня и мою семью, попроси всех своих крещеных знакомых делать это.

Целую, обнимаю, с коммунистическим приветом твой В.
P.S. я потерял записную книжку, сообщи мне е майл Мари-анн ж.

***

Дорогие мои Надюша, Танечка, Наташа, все ваши дети
> и внуки. Большое спасибо за Ваше внимание, подарки и
> поздравления с днём рождения, очень, очень приятно, а
> я такая нехорошая, Танюшу не поздравляла, но, конечно,
> помнила. Жаль только что Яша смог передать посылку лишь
> 7-го июля в 21.30, и я не успела написать письмо Вам, и
> ничего у меня не взял гостинцев. Вот сейчас попытаюсь
> написать это письмо и передать через интернет,
> получится ли? Яша не знал адреса Вити, так что сообщите
> его мне.
> У мамы проблемы прибавляются: удалили зубы, во рту
> ост. 2 зуба, очень страдает, кушает всё моченое,
> стараюсь ей всё делать мягкое через мясорубку, но она
> все равно капризничает.
> Все думают, что я железная и на меня можно валить, а я
> все тяну. На даче практически одна работаю, дома тоже.
> Моральное состояние у меня плохое. Оля была 2 недели в
> отпуске в июне, но отдохнуть почти и не удалось.
> 29-го она уехала а Антоша захотел с ней, так что мы с
> мамой вдвоем. Антоша полдня предоставлен сам себе
> бегает по поселку с мальчишками. А я 2 часа с утра
> работаю, а потом не нахожу себе места, дергаюсь или иду
> без цели куда-нибудь. Мама уже в таком возрасте, что ей
> мои проблемы непонятны.
> Ну вот коротенько и все.
> Жду от вас весточки.
> Целую Вас, все мы.
> Мила

ШАРОВАЯ МОЛНИЯ

Камень ножницы бумага
Хорошее начало игры, кто голит и будит голи́ть.
Искры из глаз, гаечка, развернутое из газеты яблоко
Кулак и козырек в ладони
И кто зенки забудет обугли́ть?

Влакху закурил сигарету в туалете бросил спичку где «огнеопасно, газ»,
С другом они бежали, нога в колесе-эпице взрыва,
Они переглянулись на повороте-развилке к больнице/к реке,
На них была лягушачья кожа негритас
(она и теперь на ладони то красной то оранжевой просвечивает полосой
когда Влакху рассказывает об этом).

Камень ножницы бумага
Прекрасный выбор но настоящее лезвие
Безъязыкое как моллюск в скорлупке тела
Подозрение (scrupules) и корпускулы радости:

Сахарная вата, чудо Св. Георгия о змие,
Все это
Пока камень пуля и нож не сделают свое дело.

1.01.2003 Новосибирск

***

Каждое утро пели канарейки
я просыпался и смотрел на потолок
потом еще на пустые скамейки
мне голубки приносили две копейки
слышался дурной голосок

потом голубки жили в ментовке
а может это были голу́бки
пили воду сквозь решетки
в телефонной будке
курили все продавали по дешевке
мылись раз в году
в золотом тазу

потом еще появились китайцы
надо было мне тогда поехать в Сенегал
теперь смотрю на солнечные зайцы
вспоминаю старый фингал

словно на сеансе телекинеза
передо мной всегда одна и та же картина
женщина идет с пекинесом
и мне все ясно уже до половины

красные гвоздики
их взгляды были дики
помнишь желтую от молний грозу
ты тогда носила желтую звезду
а менты с тебя еще не брали мзду

но каждый день приносили повестки
я видал в гробу я их видел в гробу
лучше теперь задернуть занавески
и не знать того что есть наяву
или только что промелькнуло из детства
и осталось бельмом
бельмом в глазу

ГИМН ЦАРИЦЕ 7 ГАТТОР СЕН-ГОТТАРД

Не на слонах не на водолазах-псах
Взойдем на мост как спич токует Птах
Царица 7 Гаттор!

В четверг за шторкою откроет нам чертог
И сядем за столех и начнем наш торг
Царица 7 Гаттор!

Своя для взора позолота 7 сестерциев 1 злотый
Прибудут два брата два саддукея два зилота
Царица 7 Гаттор

И слово молвит клятву тот
Кто клюквенного сока со мной в фаланстере не пьет
Кому укажет TOTus
Царица 7 Гаттор

Слово келейно клейко прольет отит
И семь недель очей он не смежит
Кому укажет tit

Царица семь Гаттор!

HYMN

Лн. К.

Хожденье на ходулях по холодку, иль по земле нагретой,
прямохождение, когда луч солнечный преломит костыли,
на крошки хлебные и на плевки глядят Ганс с Гретой,
как дождь слепой глядит на донышко вдали.

Кто к ним один приблизится по тропке лицезренья,
кого подкинут к ним: рябь или волос к волоску,
он подойдет, одна к одной, как крест сестре из Армии Спасенья,
и как покорность пароходному гудку, —
не так как юбка вам идет, и ни как орден ветерану,
на щелбаны — на сковородке подогретое яйцо,
ни флаг Японии; ни тот, в который после ванны
завернут был Марат: как — путать хлеб с мацой.

Но если ни в одном глазу лицеприятия в рекламе,
в Дому Терпимости меня потом не узнают;

за мною от тебя с тобой мне... Ангел посылаем
после двух-трех судимостей в наш город Бейрут.
Есть те, кто спят, кто любит корм без Утешенья —
шатен утешится, Младенец алчет молока:
кто был на крыше техники и тишины не зная пенья:
друг через друга мы пройдем, как облака.

Прямохождение и королевская осанка, длань и мышца
беспамятства в наш род, в наш двор, в наш РОВД не принесли, —
пускай хор мальчиков поет Осанна в Вышних,
в нижних чинах кто бережлив, тот и стыдлив.

КОСТОЧКА

Мне сказал отец одной флейтистки,
косточку выплюнувши вишни,
он молчал и вдруг мне руку стиснул:
«во грехе ли меня обвинишь ты?»
наклонился и шептал мне близко близко:
«она будет тебе польской королевной,
она будет страстнее, чем метиска,
будешь зятем мне, а дочке кавалером».
дух мой сперло, ком в зобу, резь в кишках, —
так хочу ее в жены, музыкантку!
развел брови он, защурился, ишь как!
и сказал: «сведи мне дядю-маркитанта».
как! родного дядю, я тебя,
я тебе в твоем лице сейчас разводов разведу?!
как, родного дядю — он меня
за руку водил в саду!
целый день бродил я натощак
мимо моря, что так гладко стелется,
мухи вились вкруг меня, но нет, но нет еща,
только к вечеру назавтра я прельстился.
и я ему сказал безвидно внешне:
если ногу она может заголить,
не жалеет годы свои вешние,
тогда буду резать, буду бить.

сладили мы дело, согласилась
эта белая, красивая бандитка,
к дяде я пришел, не знал, что смылась
от меня она с контрабасистом.
я ее искал сперва, сначала,
но вот, вспомнил об отце ее.
косточка мне рыбья горлом встала,
вышел мой заклад тогда с процентою...

JEANNE DARK

Жанка из соседнего дома
дорога как память для старого гондона
утро проходило под звоны бидонов
в газете чернослив ботинок в гудроне

Жанка ее злющая болонка
в 10 лет в зубах золотая коронка
понюхай в воздухе спирта возгонка
вышла из вагона в джинсах из Гонконга

жук от солнца холодок испуг
кто ты суккуб или гадибук
закати глаза как шары от пинг-понга
кабы лопнула ушная перепонка
белладонна отрава а голос картавый
не идет за ней только у кого нет рук
Женева гнева манда Оттава
солнечный круг небо вокруг

шестолаз игрушка мой петушок
еще раз и в глаз и продаст цыганам
ты с Кропоткина я пока не просох
от такого вспотеет даже птичка птичка гага
быстрее чем солнце пробежит через лесок
ветряные мельницы у города Гаага

фриц тебя облапал а меня обшмонал
я уже заплакал словно обводной канал
кенарь кемарил генерал козырял
а твой брат не дольше был под арестом
Жанна! кто шире карман открывал
кто лежал в корсете и кто умирал
на костре а кто играл в похоронном оркестре

КАНЦОНА ЖГЮТИКОНОССЦАЦА

Для Диханья

Ды дюймовочка мойя трехдюймовочка
Аж ты дкшенти маоя малодушенька
ПростодюША дюшецсссссс

Бельмондовочка мора ль прошмандовочка
Где ты детонька моя спимоя радость усни

Пиросмани заплатил рукомойнику
Уготован ли сырок мецгерштерн
УвольнительнуЮ даль уголовнику
Такова моя песня грусного збежавшего заключемного

Ах славян приобразженский ося славниковь
Недовыкопалковать морковь пустить в обрез
Деньги больше не звенят мое золотце
Где же даничка теперь и пездец?

8:07/8:08

гимназисты
и гимнасты
и гюмнеты
все глистасты
глистасТЫ!
Неофиты
И плафоны

И мадонна
ДНо мнда!

Трилобиты —
Спят софиты
Спят неоны
Все без клемм!
Без налобниКОВ
Без мордгробников!

А ниоба
Близорука
И у ней от уха до уха
По горлу шрам!!!

Бам барам пам бармочет шепел
С петель дверь слетела светел
Это он наверное тот самый юноша-петел небо заметил...

Ну так как теперь вы спите?
Скоро я поеду в питерь
Коня буксовать...

Примерно в это же время
А в это время...

Вот пускай мне коля плотит
А то я подохну в самолете
Не в сончаОаоаАсти
А в солнцевской преступной группировке.

VT
(комменциарий VT (ви-ти, англ.)
Я повысил голос в генералы.

УТРЕНЯЯ МОЛИТВА О ЛЮБЯЩЕЙ И ВОЗЛЮБЛЕННОМ КОТОРОЙ КО МНЕ БОГОВОЛЕНИЕ

Гостинцы

Nighthawks en the dinnie Хатхишепчют 7 готтарнь тевтон и дон кишот чинар ибонвиван и ногтенот. Warum муравиев филимбки шашечница сиувогнутрамблафлислятибр? -грюнвальды трюфлимюсли в траве взалкавший вокапульбула, лишь Микоян кастельноглазово как терек смотрит и рычит оскалившись зашкалики икотки и алмикрволаики.

Донжупан

Гонгconck

Monc manque

В кивок кивот киоск суок

Сук сонк кнавс шванки дудль дилдон

Дидава панда пицунда птича

Кесарю кенарю кинорю мочка

Когда начнется махач

Катрань славян вождя юфу коршевера мукдена и маленького мука призови

Ульяну и коха не шестак ово стактнуты и люпусик

Разговор кукулина с кривулиным напиши

Хочу организовать боксерски матч на ринге пятиматирике

Зия ульхак тому виной пшено склевал пьенчюнга все почёнги перевел

Татувировки мне нужны на оби груди и на ягордицы

По сон пошел изкать икрова

У меня на пятке дырка где ремень и бескозырка

Настрой сфуй клафесин

Умбра едац по прозвийцу бумеранг

Соломенная моя суламита дове кеды ти ретюрн ие тёрн цу мір?

И юра Авдиев и сульфит натуральнов

Зулейка зульфия и софа незамовна борис ми кисс ми миамко сиамко сионко фимия мс

Фамильного фарфора камфоры каморы камеры костры ложки да ножки
Донде естой устед who let me seaw instead
Give mi your sceaux and zein berceaux
Пшеди и пава павенцяй нус
Дахин молю из зоны вы уходите я слепну
Динар фамарь я не пойду на фонарь сестра моя пряди меня крести меня
А мойру я сейчас до коликов дойду по скользкому не сметь ходить вам ду
Унд ду бист фро глюклихь катарсишь унд фрох
Я глохну слепну не паду на взниЧЬ
БездЫханным чтоб несу шест-вова лайЮУУУУ))))))) ((((((((((
Приди приди я твой сургуч
Полонская поляцкая царица златовласка
палевица паленка и планктон
Марыся сиротка возлюбленная моя прими мою любовь как жертвоприношенье
И полюби меня а я исполню
Заветное желание твое
Как мицву
Я слышу звон колоколов как отдаленный коморинный щип
Моргулиск януарийц
Приди и не динамь меня и только свист мышиный
И только костерок мушиный
Доносит немью ятоган
Приди приди дочюрь врачуй меня как повивалница
И падалик и сердолик и семь и сорок веко плакс и пакт обугливаю
Где колибри пошли мне птицу юлика а память я потеряю
Дина покрясти меня святой водой!

Динка gattinka
Ты к витьке-гадине приди
А гадиббуков прочь за никель прогони!

7:21, 23, 25. 22 децембер время московское.

dbnz
витя здравствуй. письмо твоё мне напомнило и если ты мне скажешь как быть мне каждым третьим абзацем (возможно, неточно скажешь, как угодно), я найду или сделаю новые.

путешествие окончилось. в самом начале москвы незнакомая девушка села в машину, килограмм 39, а как могло быть иначе? банально, жаль: муж полгода назад, аллергия на кошек, некоторое количество алкоголя. всё это время я сплю неважно, радостно, но часа 4max; не хочется видеть самораспускающиеся цветы опять, даже если они уже лучше.

я поддерживаю почти любой вид волшебных языков, но всерьёз думаю о соотношении искренности и благозвучия, пусть и редко. чего бы тебе хотелось вроде:
выявление
совесть, страх
пунктуация
простейшие
положение вещей
мать
ксерокс
сублимация
заправка
степи и лесостепей
клетки\\/
ЛИБО:
пиала
вязанные носки
одно неизвестное
иней великан
м.Анже@ты
мамочки
святки
безбрежно

положение вещей во
ковалики молодые, подковочки золотые
тук, тук, тук, тук -щщщщщщщ
щ! !!

или: Зимища, кулик, Престолик, выдох в метро, кусачее сено, выселки, Опт, гениалогическая грибница, Поветруля, Бронзовка, доль-дарина!, узки, стрекают, вымоина

иными словами я чуть сомневаюсь и не желаю вредить. в слове желаю я тоже сомневалась. мне бы чуть более человеческую информацию, потому что коль воспринимать расстояние между нами, потакая себе, литературой — то да, но зная, что на другом конце живой человек и сомневаться в каждом своем слове, сомневаться каким жестом убивать комара, опасаясь спрятанных камер — надеюсь, ты поймешь и ответишь так, чтоб я понял, как больше не надо делать. тогда напишу по-человечьи и удалю это. соколовский бы ругал меня, но ведь бы я ему улыбалась — как иначе (эту фразу любят коми). с улыбкой как будто не так виноват.

марьяше пишу и получаю, чудо как хорошо. а вы? она творит чорт знает что, я прочитала её повесть «Лемур», она лезет между ребер, возможно — рождается. попробую присоединить кое-что, что я сегодня пока не написала в метро, но держу в голове, поэтому знай, что это электронное письмо — полежалое, минут 30–40.
будь добр. я так и не видела, как ты танцуешь! можешь меня что-то попросить, если я могу, только не очень страшно, а то я тут и так напугана, что твоя кукушка в заколоченных часах!

витя, я очень нам всем рада, можешь вычислять ложь, как пожелаешь — состав подвижен, начало отсчета с головы, если ехать с нашей стороны. а в москве — сзади. второй месяц здесь. если у меня не получится быть
честной совсем — то я начну больше танцевать, чтобы надобность в вопросах отпала, яснее, яснее, яснее. представь, мое существование в этом городе достаточно разбросано, но

в основном я провожу время в обществе либо психа, либо психоаналитика, если я не на улице. это лучший способ остаться в своём уме. хотя мы с ними гуляем тоже: с первым по центру, с последним — по лесу и лесопарковым зонам.

я покупала winston one. очень плохие сигареты. сейчас стараюсь не курить. но если нужно — лучше уж покурить, чем искать более глупые занятия.

твоя очередь.

DG

ДОПОЛНЕНИЯ

СОДЕРЖАНИЕ ПОДБОРКИ СТИХОТВОРЕНИЙ ВИКТОР ІВАНІВА, НОМИНИРОВАННОЙ НА ПРЕМИЮ «ДЕБЮТ», 2002

Камера («Во осветленном лесу сладкое слышалось пение...»)
«Где же были мы с тобою...»
«когда ветер только-только до горячего дерева...»
«Месяц, когда высохли все слезы...»
Косточка («Мне сказал отец одной флейтистки...»)
«Рябина здесь пригрелась...»
«Прибитые леса во хмелю дремлют...»
Похороны на солнечном берегу («Гроза открылась окнами гробовыми...»)
«Душа моя когда над тенью ходит...»
«Когда-то у меня было зеркальце...»
«Деньгу большую если разгладить...»
Дома. Из-под стола («Как деревце сахарное...)
«Темная заколоченная тесная лестница закончилась...»
В парикмахерской («В открытой недавно парикмахерской...»)
«Я поплевал и кинул камнем...»
«Дима Гиндель был мой друг...»
«Вот идет доктор ЛО...»
HYMN («Хожденье на ходулях по холодку, иль по земле нагретой...)
POLKA («От первой крови до первой травки прошло дней десять, не так ли...»)
Часики двух погодков («Он шел, и огонек у него перед носом...»)
The Ballad («по краю лужицы голубь бежал...»)

SONNETS TO JANUS

ПОХОРОНЫ
1. «На клумбе из автомобильных шин...»
2. «Хор с похорон оркестр тот с парадов...»

1. «Любовников тревожен сон, коль совесть...»
2. «моя душа она стеклянный шкап...»

Чего только не услышишь на улице («Давно ли ты видел из 4-й квартиры...»)
«Янусик, привет. Я сижу тут и грущу. Или дую на воду...»
«Вот Вы в образе революционера-интеллектуала...»
Рэп. Новый год («мне позвонил один грузин-жопарезин...)
Jeanne DARK («Жанка из соседнего дома...»)
Rap №3 («Каждое утро пели канарейки...)
Rap № 6: Обезьяна ревун («раньше люди жили так же, как сейчас...»)
Разговор («что ты надулся как сосед...»)
Dante Gabriel Batistuta. Собутыльник сомнамбулы
«Из улиц темных...»
«Обезьянка в галстуке пиджаке и кепи...»

СОЧЕЛЬНИК КеСАДИИ

1.

Моя душа она стальной колпак
Когда под твоим ногтем свет горит
Он никому ниче не говорит
Как пленный партизан Ковпак

Что черную мездру на сем осколке высек
Кило креветок в них одна мука
Два озера два пенса два движка
И все о чем мы узнаем из книжек

Три гоблина что трутся о скулу
Два ядрышка и нижнюю губу
Ветрянку и морковного зазнайку

Ноль капелек и капельку вина
Три ласточки и толику скуплю
На деньги конские я эту таратайку

2.

Духовников ничтожен вздох коль скрипку
Не могут о колено преломить
Они сквозь зубы будут вас кормить
И не забудут про свою ошибку

Они едва застеленную штрипку
Нацепят наскоро и все начнет ломить
Вам тело ломтик сала отломить
Для них вас ободрать под липку

Ниче не стоит в чем моя вина
Не знаю я не названа цена
Любви под деревом раскидистым макая

Пакетик в чай и в колбу кулаком бия
Глотатель ламп не помнит нихуя
И так брести впотьмах не замечая
Как два виска в груди тянитолкая

ВЕРБНОЕ КРЕЩЕНЬЕ

Мой фюрер мне сказали две сестры
Что спали с Зингером под грохот канонады
И Фермопилы пали и менады
Снесли яйцо в костре его пизды

Пока она повязывала пояс
Мы шли и ни о чем не беспокоясь
Купались в омуте где черная плыла
Нам встречу обещая по сигналу

Не слышали мы пенья аонид
Поскольку мы выращивали гнид

Тюлений жир и шарик надувной
Мы пели на губах стенала соль
Был полдень жаркий тлели кирпичи
Но это нам кумекали врачи
На детской взгромоздясь лошадке

***

Был рыбный день и было воскресенье
Прошло оно сегодня новый день
Ресницу от подушки отрывая
Не занози щеку и мой бисквит ломая
Подай мне огоньку поддай мне жару
Коньяк мы пили с полей Арарат
В трехзвездочном отеле невпопад
Сновали шлюхи с дымной кочергой

Сновали духи с дынной кожурой
И пели опресноки на паяцах
Иконостас вовек ему не перейти
То солнца луч не видящий иглы
То был маньяк кажись по кличке Фишер
Но тут-то ему стало не до Жижек

***

и уста их слились в поцелуе едином
андрогин с мизожином андрогин с мизожином
Леопольд с ашкеназом сефарад с аспирином
Манускрипт с кокаином бициклет с клавесином
Все легли на неглинной спать легли на недлинной
На гладильной доске на скамье подсудимых
А отец прокурор укрывался мандой

Без конца без конца без гвоздя без ремня
Без чулка без часов без усов без носок
Спать легли на часок на холодный песок

Утром встали на солнце смотрелись
Не обжигая глаз глядели не моргая
На этот золотой иконостас
Потом пришла беременная рая

И в царскосельский привела меня лицей
Иль в детское село родительский был день
Шестое пятница и пятое суббота
Канун был рождества прошла моя зевота
Пасхальная покинула мя лень

День был субботний Иоанн креститель
Вот дедушка застегивает китель
Вот бабушка глядит на часослов
Пускай же бой часов со старой башни
Что в общем поминает день вчерашний

Подышит на холодное стекло
Положит на холодную ладошку
Две крошки хлебные серебряны сережки
И кружку рома поднесет весло

ДОКУМЕНТ НОМЕР 02. О ТОМ, ЧТО ДУМАЛ Б-КЛАСС О СОЗВЕЗДИИ АЛЬФА ЦЕНТАВРА, МАНИКЮРЩИКЕ, ЕГО ТРУБКЕ, И КАКОЕ У ЭТОЙ КАРТИНКИ БЫЛО РАЗРЕШЕНИЕ

После пяти
Окропи меня и ныне и присно
После шести
Ты заносишься за полночь паря над месяцем
Бой часов на старой башне
Красивая тень пробежала в мечтательный зев

Много дней от голода мер
И солнце зашло за моря по мокрому песку
И многим утерла носы и вымыла ноги свои

Днесь и впредь кривошеее сипело облако
Пока горнист на бумаге папиросной не проступил переводной картинкой
Ты спать легла в ту ночь на козлах
А я видал тебя в чреве Китая
Никто не знает где она жасминовая гроздь
И досочки мостков трепетали
Когда я видел как дельфин орал соо!
И дорасо реми де гурман
Какава с чаем
И пароход плыл с похоронным оркестром на палубе
И голуби братались как гопники и милиционеры
Они повязывали галстуки и завязывали друг другу шнурки
Как воробьи
Как пятая песни как треть глотки
Как кровосток ушел в моветон

Как желоб соединил табакерку
Как я слышал птичий гам и узнал язык показал фигу
Как я видел героя подклонившего колено у кромки поля
А гиви дайне ханд
Как я узнал что москет это ушкет а масхад это мечеть а
Москва это мокошь и мава
Лаваш камзол
Мне нужна гувернантка
Поучить хорошим манерам
Вислоухи двоеглазова
Вислозады двоедворова
О ты Терпсихора моя
Я твое федорино горе
Аминь

МОЛИТВА ЗА МОЕГО ВОЗЛЮБЛЕННОГО БРАТА

Господи пусть сон его будет тих
И не подпускай ангелов к изголовью его
Они в бесшабашестве своем не знают ничего
При попустительстве он грезит о казенном винограде

ПИСЬМО ОТ СОБАКИ К ЕЕ ХОЗЯЙКЕ

У меня был друг Дима Гендельман и он говорил мне все про вальс Мендельсона
И что я буду играть на трубе
Я хочу чтобы ты пришла и забрала меня с карантина

***

1.
Гундосят ли французы
Или они картавят
Картечью харкая

На сплаве голубом
Быть может все они лукавят
Покуда их не отведут в дурдом?

Глаза стеклянные и память валентина
Такие плоские всё шуточки в конце
Концов покуда красная мальвина
Не проще ль отобедать во дворце?

И шепоток и кашель царедворцев
В рассудок праздности меня не веселят
И Антиох бежал и Барбизон двустворчат
И пять и шесть и восемьдесят два

2.

Уже давно пора приняться за октаву
И венценосну ослепить дубраву
Венецианскому купцу до судорог в кистях
А может хватит нам таких октав?

Октавиана дядьку павиана
И августейшего монарха пьяным
Нашли два маршала в лесах Калимантана
На поле марсовом чудную обезьяну

3.

был Прага торт а муссолини запил
и скатерть двух надбровных дуг за скальпель
меняет камердинер на кивот
а у меня уж не болит живот

дурная голова покоя не дает
ни радости а вы спросите дурня
какой был прок пуста лазоревая урна
и Лазарь встал от сна но трубку не берет

4.

велеречивыми кремлями с кренделями
он скуку адскую не только не запьет

когда от коликов задрыгает ногами
и как один умрет в борьбе за это

лети лети вперед моя Жилета
гори проснись и пой уздой Лаэрта
оберегай и будь ему Альдонсою Лоренсо
а мне на руку положи два пенса

две пени две плюсны и жердочку и скобку
твои обряды так пленяют полукровку
купи два ландыша две кости два древка
напомни имя мне, я говорю пока!

***

Венценосный журавль посаженный на корабль
утлая плоскодонка на плисовых каблуках
вереница воспоминаний успокоительных
и лечебных трав ты моя радость мой
душистый табак о журавль красавка
скоро нам с тобой предстоит пересадка
кожи да голые кости металлофоном звеня
то ли тюрьма то ли саженцы и зеленя
это новая Приштина это иная причина
говорить как женщина если ты мужчина

Трепетать как бабочка как жемчужная моль
вытирать на кафельном полу белую соль
светиться как светлячок на моем окне
в долгом тигле выращивать вошь и спать в копне
под деревом телевизора нам не посмотреть
это ясно ему ну хотя бы на четверть и треть
голосовать на дороге развязывать все узлы
городок в табакерке на медленном длить огне
мои вены томятся как пенициллин как тень барбухи
задачку до конца не решит
много разных миров рейсшин ах если б я не грешил!

***

Образование секты «Виссарион» приходится на середину 90-х годов, основана она была человеком, выступающим под именем «Виссарион». По его словам, отец его был плотником, уроженцем Ростова-на-Дону. Сам «Виссарион» был милиционером, участковым. Вступающий в секту должен был продать квартиру, вырученные деньги отдавать Виссариону, новообращенные селились в лачужках и домиках в Красноярском крае, исповедовали бедность, как пичужки. «Мессия» (О Боже мой! маньяк!), а те, что пошли за ним, именовались «Ангелами». Многие совершенно помешались после этого.

***

На вечере, посвященном 110-летию со дня рождения Велимира Хлебникова, выступали среди прочих два странных персонажа: первый назвался Осипом Виссарионовичем Мандельштамом, второй — Тимофеем Севе́ром. Новый Мандельштам пришел во фраке и достал из-под фалды Розу, а из желтого прозрачного мешочка — хлеб, сопроводив все словами: я принес вам розу мира, опустив «сие есть плоть моя». Лицо Мандельштама было красно, как апорт-паспорт, как водка абсолют, он смотрел сощуренными, почти приклеенными веками, как будто бы работал нефтяником на Крайнем Севере или на Каспии. Вскоре после этого он познакомился с Али и Муравьедом Штановым, о чем в своем месте. В отличие от низкорослого Мандельштама, Север был сутулым гигантом с длинными паклями-буклями и проплешиной. Он прочел два стихотворения, первое — марш Фиделю и кубинским комиссарам, второе — ода — было адресовано по странному совпадению самому Иосифу Виссарионовичу. Там впервые собрались, еще не узнав друг друга, Фила и Фратрия его Пабла,

Скворец, Янус, Лощ и Имярек. Читались стихи «Из мешка», «Ни тонкие тени Японии», «Мария Вечора», «Семеро». Имярек рассказывал о плавании Хлебникова по Волге из Астрахани в новгородский ил. Было это 10 ноября-декабря. Фасеточным зрением помню Януса с длинными конскими волосами, помню голос Скворца, все прочие лица слиплись в один базедов ком. Помню также Валентина Доходягу, толстого еврея, вытягивающего ногу, зажатую между двух стульев, как из топи блат. Скворец и Янунц виделись с Севером прежде, он окликнул их в овраге, где собирал можжевеловый мед для радения в баньке, и обратил их в бегство. Таково беспамятное детство.

***

Мы разговаривали о красоте и уродстве. Многие женщины-модели, фотографируясь полуобнаженными, складывают руки так, что ладонями касаются плеч, левая правого и правая левого, а локти сводят на груди, скрывая и в то же время показывая ее объем. На одной картинке была запечатлена 8-летняя девочка, у которой не было ключиц, и плечи ее были сведены вместе, как у индуса, глотателя мечей. Несмотря на врожденный порок, она была прекрасной. Быть может, уродства не существует вовсе? Быть может, горбуны и принцессы-горбунессы красивы? Мне возразили, сказав, что уродство все же есть, а виноваты в нем чаще всего отцы-алкоголики и матери-алкоголички.

Другой раз мне рассказали об одном враче-офтальмологе, который, изучая разрез человеческого глаза, обнаружил некую геометрическую закономерность: треугольники и ромбы вписывались в один глазной эллипс. Среднестатистический такой эллипс совпал с изображением глаза, украшающим тибетские храмы. Врач развил этот «взгляд» в теорию о том, что человечество спускалось на равнину жизни из Тибета, спускалось партиями, на некоем воздушном лифте. Один индийский гуру сказал ученому, что тот постигнет истину, изучив доктрину Блаватской, что навело многих на мысль о

том, что врач впал в ересь, шарлатанство, хотя никто не усумнился в его собственно врачебном искусстве. Я побоялся открывать его книгу, думая, что оттуда выскочит Агура Мазда или кто еще. А ведь старик-то прав! — мелькает иногда мысль, ведь, быть может, он пророк и ясновидец, и никак не достоин осмеяния.

***

Лет двадцать тому назад моя тетя видела в Верх-Ирмени, откуда привозят молоко, женщину-гермафродита. Звали ее Шурой, у нее было мужское сложение, мужские гормоны, но она оставалась женщиной. Не знаю, брила ли она бороду, но разговаривала басом и жила с подругой в двухэтажном доме на окраине поселка.

***

Помню, однажды к нам приехал шведский джаз-банд. Янус, Скворец и китаец Ли отправились на встречу с музыкантами, и китайцу не было отказано в интервью. Шведы много шутили, перемигивались и гремели своими трубами и тромбонами прямо в буфете. А потом к нам приехал Лама. Он сидел на сцене в камуфляжной форме и шерстяных носках, а обувь свою снял. На ломаном английском он объяснил, что родом он из Дании, вырос в поколении команов, а потом обратился в веру лам, поехал в Непал, а оттуда — в Тибет. Он сказал между прочим, что жители Тибета — монахи не могут спускаться вниз, рискуя умереть, потому как кожа у них иначе стянута на макушке, она будто бы скреплена специальным кольцом так, что они сами могут дышать только разреженным воздухом. Впрочем, и боливийские футболисты плохо играют, когда спускаются в Амазонскую низменность со своего высокогорного плато.

Если Имярек задерживался в комнате, где было много установлено телевизоров, и за ними мешалась речь не то чтобы из тысячи, а хотя бы из трех уст, например, в вагоне метро, где ящики с некоторых пор были установлены, у него начинало закладывать уши, как если бы воспалялись лимфоузлы и углы экранов, скрещивались бы теле-лучи и взгляды пассажиров, то Имярек обнаруживал среди этой комнаты за своим плечом соглядатая.

ПЬЯНАЯ КНИЖКА

Я встретился с неким человеком, назовем его Элефантом, в «Букинисте», где он поведал мне историю о пьяной книжке.

Если книги на полке начинают сами собой шататься, сказал он, то это значит, что среди них затесалась «пьяная книжка». Она всегда неприметна, но если ее раскроешь, если вдохнешь типографскую краску от ее букв, то тотчас почувствуешь, что это и не краска вовсе, а вино, а коньяк, почувствуешь, что страницы у нее липкие, как лапки мух, попавшие в патоку. Говорят, что Вакх написал ее виноградной лозою, сорванной в Виннице. Если же ты откроешь эту книжку, то тотчас забудешь, о чем читал, а буквицы начнут плясать во всей твоей библиотеке так, что ни в одной брошюрке ничего невозможно будет разобрать, страницы начнут благоухать и облетать, как лепестки маковые. Сам же ты, не помня себя, заснешь, а проснешься на полу с головной и телесной болью, словно ты вчера был пьян, как сапожник.

Из «Букиниста» я унес с собой итальянскую грамматику без обложки, но с огромной лилией внутри, засушенной больше века тому назад. Я без сожаления оставил там турецко-русский разговорник в фиолетовой тоненькой трикотажной обложке, в котором были одни господские слова: «Вычисти мне сапоги!». «Фимиамы» Сологуба, которые также ничем не пахли, также остались лежать неразрезанными под стеклом.

Вскоре к нам с Элефантом приблизилась группа молодых людей, и среди подошедших Элефант узнал своего приятеля, молодого охранника по имени Инфант. Дело было в промозглый октябрьский вечер, когда холодный пот выступил вокруг фонарей, в лужах блестел уже ледок. С Инфантом был еще Лысяк ростом под метр шестьдесят, да еще носатый паренек по прозвищу Кистень. Мы зябко познакомились, но беседа оборвалась на первом слове. Очень скоро нам захотелось выпить синей воды. Наш выбор пал на магазин на Вокзальной улице, неподалеку от «Букиниста». Вышедши же из магазина, мы остановились и встали в кружок у какого-то бордюрчика, полочки на тротуаре, и стали, попивая из пластмассовых стаканчиков синюю воду, рассказывать байки.

Первым начал инфантильный боксер-охранник со сломанным носом. Вся его история состояла в том, что отец у него клоун в цирке. Я отошел к соседней палатке за портером, а когда вернулся, Инфант начал просить меня дать примерить шляпу, да как просить, просто хватать ее за поля, угрожая подзатыльниками. Но тут вмешался коротыш: «Никогда не понтуйся, не стремайся от того, что у тебя на голове. Иду я, помню, по улице Рунге в жаркую летнюю ночь, а на голове у меня, веришь, сомбреро, такое большое, что машины останавливаются, принимая меня за сутера. А я шляпу за голову закидываю и отвечаю им: 12 часов, словно у меня спрашивают время, и они со смехом, те, кто в машинах, уезжают, и больше ни о чем не спрашивают, так что ты никогда не стремайся! Ты че, как вафел! А на ногах у меня — кожаные штаны!». Выпили еще по стопарику, и мир закачался, подобно вафельному стаканчику в руках лакомки, подобно подвесному фонарику. Я-то пил пока портер.

Пришла очередь рассказывать и Кистеню, но тут неведомо откуда выпрыгнул озирающийся опрометью человек и присел на край бордюрчика. Это был зека, и он попросил папиросочку. Его просьба была удовлетворена. Все взоры обратились к нему, а обо мне на время забыли. «Как звать-то тебя?» — спросил коротыш. «Серегой». «Ты когда открылся?» «Два дня в отпуске». «И долго ты был на тюрьме? И на какой».

«Там...» Инфант узнал место и спросил: «А где там метро и решка?» «Мне бы выпить...» — ответствовал зека. Я отдал ему свой портер, что осталось. Вдруг Серега сказал: «А я иду счас фраера валить там, за цирком. Он с моей женой живет, зашел тут к ним, она меня любит, а дочери меня не узнают». «Сколько лет то тебе?» «30». «А когда сел?» «В 1987 году по малолетке. А сейчас хочешь, пику достану?» «Да ведь фраер-то ни в чем не виноват, не ходи, ты ж его не знаешь». «А мне по хуй. Он мою женщину ебет».

Вдруг он обратился ко мне. «А подари-ка мне шляпу». Тут Инфант сказал: «Ты шляпу-то не трогай». «А дай как я ему песенку спою». Тут подошел, и в самое ухо мне прошептал, попердывая: «Пум-цаца... пум-цаца... пум-цаца». Потом обнял меня, потом отошел: «Достать пику-то?» Я дернулся. Вместо этого Серега выпил водки и блеванул. Инфант отвел его к киоску и что-то долго говорил ему, после чего тот сорвался с места и убежал куда-то. Инфант сказал, что от хука человек может упасть, не важны тут ни рост, ни расточка». Потом прибавил: «А че сразу на измену подсел? Никогда не показывай этого, они только и ждут». И прибавил: «Ну что, раз не пидорас» — и засмеялся. Мы перешли через дорогу и там вновь встретили Элефанта и пошли догоняться. В магазине на углу, на кассе, встретили двух мужиков, как выяснилось, приехавших на поминки третьего своего друга. А я их было принял за педиков. Но один из них оказался врачом, а второй вообще приехал из Москвы, именно на похороны третьего друга. Мы выпили с ними, затем отошли. Инфант вдруг взял и сказал мне: я тебя куплю. Я ответил, что тогда куплю его потомство до седьмого колена. Он сказал, что попомнит мне это, что он мстивый. И точно, спустя пять минут отвел меня в сторону и вдруг сдавил мне болевую точку за ухом так, что тень подступила к глазам. «Купишь, говоришь, до седьмого колена», — произнес он, надавливая, добиваясь, чтобы я отказался от своих слов, а как от них откажешься? Вскоре мы разошлись. Коротыш провожал меня по улице Челюстей от цирка до церкви. Мы не только никого не встретили, но даже не слышали криков. В этом часу в сквере у цирка по кругу разъезжает милицейская машина, под-

бирая пьяниц, чтобы отвезти их в мусарню. Пика же или финка так и исчезли в глубине кармана Сереги, если они вообще там были, ведь он не помнил расположения решки и метро.

***

Янусик, возлюбленная моего сердца, мальчик молчальника, девочка дюймовочка.

В ЗАМКЕ У ЛЮДОЕДА

Я, пленник зеркальной комнаты с заплывшим двойным стеклом, просвеченный снаружи всеми мыслимыми лучами от альфа до омега.

Я, видимый с той стороны зеркала, пленник янтарной комнаты, страж хрустального гроба, я протапливаю стекло горячей ладошкой, дышу на стекло убогой задышкой, я зажигаю огни бенгальские и подаю сигнал во все стороны света, я вышиваю розу на подушке моей, я выщипываю перья у венценосного журавля и у павлина, волочащего свой хвост, как издохшую камбалу, я не вижу своих молочных зубов, я нахожу набор карандашей, мусолю ими губы и вытряхиваю пыль изо всех сундуков, я устраиваю всесожжение тряпичной куклы Плюшкин.

Я получаю телеграммы, хотя дверь забита гвоздями. Меня зовут Имярек, это леса Маркиза Карабаса, не так ли, мой милый Янус, не так ли, моя дорогая собака Динго, ведь крутится-вертится шар голубой, не так ли? Разве не так?

ПАВЛИН

Этот феерический веер, золотистый, серебристый, зеленый, им обмахивалась фея, и гонявшаяся с мухобойкой по дому повивальная бабка тоже помнила про себя его красоту.

Когда я возвращался из Железноводска домой, то ехал в купе с карачаями и одним армянином родом из Грузии. Карачаи вчетвером ехали на двух нижних полках, а мы с армянином, Тиграном, на верхних. Наше купе в плацкарте карачаи завесили шторами из красного бархата. В это лето нельзя было достать билетов, и все они заплатили за дорогу баснословные деньги. Среди карачаев были две девушки, тетя и, кажется, бабушка. В поезде вместе мы разгадывали кроссворд, что для них одних составляло большую трудность, поскольку они писали слова так, как они слышатся. За бархатной портьерой Тигран поведал мне историю своего двоюродного брата, который повесился от несчастной любви. Прекрасная, чуть не сказал, черкешенка, — карачаи не любят черкесов, а кабардинцы — балкарцев, у них мезальянс — долго смотрела на меня своими черными очами, и долго снилась мне по приезде. Взор ее был исполнен спокойствия и печали, как вороний глаз жар-птицы, даже если уста цвели смехами. Медленно мы проезжали станции и полустанки со спящими вагонами, где пятки торчат на уровне вашей головы, и если вы направляетесь в тамбур или к титану, то в окнах встречных составов можете видеть мужчин с расстегнутыми рубашками, лунатично глядящих, казалось бы, прямо на вас, будто пойманные на зевке, но все мимо, мимо, поминутно обставляющих своеобразную и жалкую пантомиму.

СЛУХОВОЙ АППАРАТ

Когда Дина начинала со мной разговор, я иногда прослушивал ее слова, ее голосок соскальзывал по касательной, будто бы я или она оказывались на корточках внизу, под горой. Я прослушивал и начинал думать уже как во сне наяву — она пугала меня кулачком, беззвучно смеялась, а голос ее все время гудел, как если нужно сглатывать слюну в самолете. Одна деталь возвращала меня к действительности разговора: так Дина рассказывала о том, что в далекой стране Японии раскладывают монеты, составляют одна к одной кругом, а потом

они падают вниз по кругу, на одну и ту же сторону, то есть на решку или на орла. Боевые китайские палочки, которыми ее волосы были заколоты, вернули меня к нашей теме — Японии. Такое возвращение и называется слуховым аппаратом.

КОРМЛЕНИЕ

После череды встреч, когда мы остались словно голыми, вчетвером, как яблоко без кожуры в «ОГИ» за черным столом. Я стал вставать из-за стола, собираясь кого-то колотить кулаками, но покачнулся от неожиданности — передо мной Сокол со своим оранжевым чемоданчиком. Он повел меня посмотреть некую роспись. Я был уверен, что мы идем в церковь. Но мы оказались в кафе, а роспись была с перепутанными словами пластинки К. Вайля и изображала Тайную вечерю. Прямо в настенной этой росписи были встроены, вделаны часы, но тика не доносилось. Потом мне дали гамбургер, который я съел со всевозможным свинством и запил какао сладостным. Казалось мне, что я пожираю старых друзей моих. Мы отправились в «Пироги». Сокол спросил: здесь есть твои друзья, ты видишь здесь своих друзей? И мы увидели еврейскую свадьбу, где беременная «К» танцевала с «К», а жених задерживался. Беременная «невеста» танцевала со своим женихом «небесным» в холщовой рубахе под струнную музыку испанских сефарадов. Нет, то не были мои друзья.

***

Вот царева глава лежит на траурном помосте
Вот черти что несут ее на брег слоновой кости
В большом тазу медяном двор микенский
Не раболепщет рукоблудствует по-светски
О чем речет негроидная раса?
О том что бреется дитя как tab`la rasa
Царь видит небо стало медным тазом
Под ним как пред златым иконостасом

Падет он ниц и жертвенной пятою
Позабывает мир с песчаной суетою

И воины пустынь двугорбые верблюды
В луке изогнутой над дельтой однолюбы
Немотствуют и в барабаны бьют часами
Царь театральный в зеркало бросает
Бинокль свой и золотой костыль вбивает

КУПАНИЕ

Нил Нилыч Кокодилыч привиделся мне во сне. Он сказал: если бы глаза мои не ослепли, то я перестал бы гоняться с разверстыми, как цветок маковый, и белыми зубами пастью за всяким, кто ногу по щиколотку погружает в ил!

Мы с Диной переглянулись, когда страус эму засунул голову в песок, а страус нанду стал дрыгать ногой и подпевать, как дьячок.

Дина плавала в Волге около Самары и чуть не потеряла панамку, когда услышала гудок парохода, как маленькая голубка, как гуппи, как камышинка, как дудочка Маленького Мука, которой он сзывал всех на праздник.

Змеи спали и мангусты тоже, они сплетались в затейливый клубок. Двуликий Янус сам все это видел, и попросил меня, землежителя, отведать водицы из ее серебряного башмачка.

В ПОДЗЕМНОМ ГОРОДЕ

Тетя Галя, ныне покойная, довела меня до лестницы какого-то стационара, и там, на лестнице, сделала под козырек, подставив ладонь к уху. Я оказался под землей, не помню, как пересчитал все ступеньки.

Огромное поле с тускловатым, но вполне «дневным» светом открылось моему взору. На краю поля, и даже забиваясь на его середину, видны были тоннели, депо и пестрели названия станций, и под ними висели фрагменты огромного крана, на

котором работали метростроевцы. После означенных работ куда-то пропал большой тополь, находившийся между ресторанами «Океан» и «Садко», где из-под красной шторы можно было видеть ноги в брюках и чулках и силуэты танцующих пар. Хотя нет, в «Садко» ничего не было видно.

Первый раз я оказался в подземном городе, когда мы с мамой ездили в дом отдыха «Мочище», где я был запечатлен с группой детей, и со мной была Ирка, сестра. Сон с подземным городом оборвался, когда девочка-спичка вдруг села у края оранжевой палатки, а дело было в горах, а в том сне я видал Г. Айги с клочковатой бородой, мыслящего лежа во весь рост на спекшейся могиле.

ИСТОРИЯ О МОЛОТОЧНИКЕ

Некогда появился в Городке молоточник, поражавший бредущих по лесу со спины, в самое темя, своим молотком. Так что никто почти его и не видел. Рассказывали, что это был сошедший с ума ученый. Дети страшно его боялись. Тогда еще шел фильм «Воры средь бела дня». Как-то история с молоточником и эти воры соединились в детском сознании. На спортплощадке тогда были вырыты рвы и один окоп. Мы, дети, часто играли там в войну. Однажды играли мы так и прыгали, когда прибежал Андрейка и закричал: молоточник, шухер! Все опрометью бежали, оставив поле боя. Говорят, что потом молоточника поймали или что он исчез. Затем, как в истории о самозванцах, появился второй. Второй также то ли был схвачен, то ли исчез.

ИСТОРИЯ О ЧЕЛОВЕКЕ, КОТОРЫЙ ЛЕЖАЛ В КАНАВЕ И В ЯЩИКЕ

Один человек, еще будучи ребенком, в полуденные часы летних дней, когда все разъезжались на каникулы, любил, постелив газетку, ложиться в канаву возле школы и там читать разные книжки.

Когда же он стал постарше, уже был юношей, случилось ему лежать в ящике вместе со своей возлюбленной, а вокруг бегали убийцы, подосланные ее отцом, да так никого и не нашли.

***

Когда мы вышли-таки от Явы и добрались с Янусом до дома, нас застал звонок от китайца Ли. Ли сказал, что два дня назад произошло страшное убийство. Маньяк перерезал горло тринадцатилетней девочке. Мать видела из окна, как она зашла в подъезд, и застала ее еще живой. Прошло ровно пять минут. В день похорон учащиеся двух школ микрорайона, расположенных рядом, выстроились ровным строем, как при погребении маршала. Родители захотели, чтобы их дочь покинула этот свет в подвенечном платье. Маньяк бесследно исчез. У преступления не было никакого мотива. На листках, расклеенных по столбам, школам, по кружкам рукоделия и по секциям спортивной ходьбы, фоторобот лица маньяка дробился, в нем не было уже ничего человеческого, как будто бы он был призраком. Через некоторое время поймали какого-то слезливого щупальцевого Гумберта, но он оказался не тот.

После звонка эта история долго не шла у меня из головы. В пении деревьев под ветром, за будками, в подъездах виделись мне маловразумительные тени, слышались вздохи, я ждал окрика, боясь остановиться. Я уже почти сделался тенью маньяка. Лишь в зоопарке среди звериных клеток находил я успокоение. Приезд сестры из города Параскевска скрасил дни моей болезни. В зоопарке я был сфотографирован с деревянным сурком, с бритой головой, выпученными глазами, с беломором в зубах и с блуждающей улыбкой.

***

Сегодня, Первого февраля, совершили мы с Янусом прогулку до Обского моря. Мы миновали железный мостик с надписью «Журыч вафел и хер», прошли по улице «Ученых»,

свернули в лесу у коттеджей и добрели до другого мостика, через теплотрассу. Казалось, что мы и не сходили с мостика, длинного такого, что идти по нему надо было гуськом, а тени наши, подобные дьявольским близнецам, шли по дну оврага. Мы и сами были подобны расцепившимся близнецам, что сидят спиной к спине и встречают восход, как изображают на итальянских футбольных майках. Стоя на мостике, мы посмотрели на солнце и разучили все цвета спектра. Мы видели трубы искитимских и бердских заводов, которые медленно курились, а поезда с шумом наваливались, как снег за ветром, а сосна пищала, как ребенок, а море замерзло под снегом. Мы говорили, что прячемся друг от друга за углами пирамиды в форме старого молочного пакета, мы спорили о том, что такое молоко, субстанция или эссенция. Впрочем, Янус не любит молока. А сосна под ветром все скрипела, как старичок, и пищала, как ребенок.

***

Все люди хотят путешествовать, сказал поэт. Только вот что для этого нужно? Нужны компас, лоция, азимут, карта, чтобы определиться с маршрутом. Можно отказаться (еще не поздно) от этой затеи и пойти с лорнеткой в театр, но эта забава, как и развлечение фланера — когда он выходит на Бродвей и метет улицу штанинами своих джинсов — своего рода тоже путешествие.

Итак, куда ж нам плыть, куда обратить стопы свои?

Можно отправиться из города Винограда в город Антон. Где ж сыскать нам города такие, спросит читатель. Первый — выдумка шестилетнего мальчика, рыжего, как солнышко. Второй — город вывесок, город лубочных картинок. В первом городе виночерпии спят, а бражники бдят во втором. Во граде Антоне все столы скрипят от яств, как кожица яблока, там яворы шумят, там бродит Джельсомино, ведомый ложным совпадением, полагаясь на первого встречного, все принимая на веру. Во граде Винограде Ахиллес обретает в памяти убитого троянцами Патрокла, испив из чаши

крови жертвенных животных, бурдюки с которой припас Одиссей, обретает он и былую быстроту ног, позволявшую ему обогнать черепаху; а Тиресий, падая в обморок, успевает руками обхватить колена Мнемозины. В городе Антоне ангел души человека приклоняет главу у постели спящего нагишом.

Можно отправиться в путешествие в город Звенигород и посетить монастырь, где слышится пение жаворонков и перезвон колокольцев арбы, что катится навстречу дню.

Можно отправиться на улицу Потешную и увидать Марсово поле в райке, можно заглянуть и на Бородинскую панораму.

Можно, наконец, посетить Феодосию, знаменитые бани, которые, кажется, крадут свою архитектуру у мечетей и скрадывают тропинку в лесу, где в болотной воде можно видеть закатившееся солнце. Говорят также, что эти бани излечивают от дурного глаза.

Можно побывать на сочинской Ривьере, где работает кинотеатр под открытым небом, где в сени магнолий старики передвигают «живые» шахматные фигуры, где девочки играют в скакалку, классики и серсо, а мальчики с серьезными минами следят за передвиженьем фигур и норовят запрыгнуть на доску и дохнуть в стекла очков пенсионерам, отирающим пот со лба маленькими носовыми платочками.

Можно поехать в Кисловодск от Порт-Кавказа, остановиться в Железноводске, где многие деревья, как в сочинском дендрарии, повязаны ленточками. Там по дороге прямо посреди равнины вырастают горы, как в детском рассказе Льва Толстого, там в ночную пору виден Бешту, вспоминающий о родине красивой смерти — Машуке.

Можно совершить кругосветное путешествие, как Филлиас Фогг. Только для этого потребуются не картонные паспарту, а настоящие, красные корочки.

Можно, наконец, побывать в Советской Гавани, ехать туда по КВЖД, мимо Байкала, утопающего в яблоневом цвету, затем пересесть на паром и передать привет Южно-Сахалинску, где родился Юл Бриннер, можно краешком глаза взглянуть на Амур и увидать японцев, кропотливо изучающих карате «Шокотан».

Можно посетить Астрахань, где красные, желтые, синие... всевозможных оттенков растут цветы величиной в две ладони.

А можно никуда не ехать, остаться дома, перечитать «Путешествие из Петербурга в Москву», «Коричные лавки» Бруно Шульца, «Москву-Петушки», и, конечно же, «Путешествие в город мертвых» нигерийского писателя Амоса Тутуолы. Можно пускать руками от лампы причудливые тени, попивать чай из восточной пиалы да коротать время в нескучной беседе.

Все люди хотят путешествовать. Выбор за тобой.

КОММЕНТАРИИ

Об эфемерной сверхповести[1] Виктора Іваніва

Осенью 2002 года Виктор Іванів, закончивший работу над повестью «Город Виноград»[2], делает наброски «детективного романа», замысел которого, с одной стороны, как таковой реализован не был, с другой, после перерыва, связанного с поездкой в Москву, получил неожиданное развитие в двух самостоятельных версиях. Читатель знаком со второй из них — повестью «Путешествие в город Антон Б., учителя балерин» (2004)[3]. Первая же версия — сверхповесть «Corpora corporationis, или Путешествие из города Виноград в город Антон», собранная в начале 2003 года, как целое до сих пор не публиковалась.

В обоих повестях разно воплощен один и тот же «сюжет о безумии, который неожиданно пришлось разыгрывать в действительности»[4]. Речь идет о событиях московской поездки 12–24 декабря 2002 года — подборка стихотворений Іваніва вошла в шорт-лист поэтической номинации литературной премии «Дебют», писатель принял участие в семинаре, устроенном для дипломантов в подмосковных Липках, завершившемся церемонией объявления и награждения лауреатов в Государственном музее им. А.С. Пушкина 19 декабря[5]. За день до назначенного на 24 декабря вылета в Новосибирск во время городской прогулки у Іваніва случился приступ маниакально-депрессивного психоза, он был принят в отделение милиции и препровожден в больницу на Потешной. Так фикциональную заявку осенних набросков — протагонист находит финку под лавкой на территории психиатрической лечебницы и смешивается «с ничего еще не подозревающими людьми» — дезавуируют наступившие обстоятельства непреодолимой силы, чей фактуальный комплекс переопределяет общую для обоих произведений фабулу.

В сочинявшемся на протяжении всего следующего года «Путешествии в город Антон» фабульная переориентировка не явлена читателю, а привнесенные ею мотивы растворены в пространстве повести. Непредвзятый читатель не должен заметить перезагрузку сюжетной проблематики: новые главы,

в которых пересказывается декабрьская история, наследуют стилистике осенних глав, а перемежающая их серия отвлеченных анекдотов размывает возможный градиент перехода от вымысла к описанию пережитого.

Для реализованной в минимальные сроки «Corpora corporationis» срыв завязки «приключенческой повести» означал и полную смену способов представления сюжета. Принятый ранее режим повествования отбрасывается, отменяется намерение рассказать «обо всем по порядку», о чем прямо сообщается читателю: «За сими словами я обрываю изложение детективного романа». Осенний зачин, раскоординированный наживую причлененными январскими заметками дневникового характера и двумя отыгрывающими вставками, составляет «Часть первую», которая остается единственной. Сюжет теперь решается приложением к ней эклектичной, на первый взгляд, подборки самостоятельных текстов — «документов», которые должны заменять аристотелевское «составление происшествий». Лишь небольшая их часть создается синхронно осуществляемой сборке, фиксируя сцены «сюжета о безумии». Большинство же взятых текстов создано раньше, в них представлены выбранные биографические обстоятельства писателя за несколько предшествующих лет, по-видимому, иллюстрирующие неизбежное продвижение к этому сюжету. В свое время выраженные в эпистолярной, эссеистической или лирической форме, теперь они востребуются в новый контекст, но и участвуют в его формировании.

1 «Corpora corporationis, или Путешествие из города Виноград в город Антон» удобно называть сверхповестью, поскольку, представляя собой «монтаж разных стихотворений <и прозаических текстов> (*интерполяция моя.* — А.Д.), сочиненных независимо друг от друга, а затем расположенных в строго организованной последовательности» (см. *Вроон Р.* Генезис замысла сверхповести «Зангези» // Сверхповесть «Зангези» Велимира Хлебникова: Новая текстология. Комментарий. Рецепция. Документы. Исследования. Иллюстрации. — М.: Бослен. С 268.), она эксплицитно распознается как таковая. Применение хлебниковского термина для описания произведений Виктора Іваніва этого типа кажется уместным (в техническом, а не сакральном смысле, который, разумеется, принадлежит хлебниковедению) и в силу прецедента аналогичного подзаголовка другого монтажного прозиметра писателя (см. *Іванів В.* Гальваническая болванка (сверхповесть) // ©оюз писателей, № 13, 2011. URL: https://magazines.gorky.media/sp/2011/13/galvanicheskaya-bolvanka.html).

2 Впервые вышла отдельным изданием в феврале 2003 (подписано в печать 14.02.2003): *Іванів В.* Город Виноград. М.: АРГО-РИСК; Тверь: Kolonna Publications, 2003. 84 с. Начало работы над «Городом Виноградом» датируется сентябрем 2000 года, при этом «Часть третья» повести, значительно превосходящая по объему две первые взятые вместе, была написана за месяц — в августе–сентябре 2002.

3 Первая публикация: VL2004. Окончание основной работы над повестью фиксируется по дате последнего сохранения файла *PUTESH.doc* — 14 января 2004 года. Передана для публикации Сергею Соколовскому 7 марта 2004.

4 Из ответа Виктора Іваніва на вопрос анкеты для сайта премии «Дебют», закрытого в настоящее время. Цитируется по файлу *анкета-2.doc* (24.01.2010): «Израсходовав или даже вымотав ресурсы памяти и внутреннего травматического опыта, я запустил сюжет о безумии, который пришлось разыгрывать неожиданно для себя в действительности. Затем, затратив время на восстановление, записывать крупными блоками. Так приключилась приключенческая повесть «Путешествие в город Антон», которая помимо указанной задачи еще была разработкой «легкого стиля от тяжелой жизни». Куски и клочки вырванного времени, со своей блочной планировкой были, как указал позже Сергей Соколовский, «попытками взлома реальности», а легкий стиль должен был придать этому всему химическую, невыносимую, непристойную взвесь. Текст «Города Антона» хотел было напечатать журнал «Новая Юность», но редактор попросил убрать из текста дословно «всю матерщину и педерастию», тогда как по замыслу она там была во взвешенном виде в каждой букве и запятой».

5 Лауреатом премии «Дебют» 2002 года в номинации «Поэзия» стал Павел Колпаков.

В итоговом виде сверхповесть была оформлена не позднее 10 июня 2003 года, но основная сборка проводилась в январе-феврале, а вернее всего — в считанные дни января. 16-го Іванів высылает Сергею Соколовскому «фрагмент новой прозы»: вторую и начало третьей главы, законченные только что, и заглавие четвертой, еще не написанной. Эта часть истории создания сверхповести еще является общей с историей «Путешествия в город Антон». Но уже 19 января в продолженные поденные записи с добавленными к ним осенними набросками вклинивается сделанный Іванівым прошлым летом перевод статьи Умберто Эко с травестированным заглавием[6] и приготовленная было, но не пригодившаяся лауреатская речь[7]. Получившиеся пролог и первая часть с двумя интермедиями под заглавием «Старичок с ноготок», но и уже под утвержденным общим для всего будущего произведения заглавием были отправлены Дмитрию Кузьмину в качестве «начатков повести». Если не с отправкой, то сразу за ней у Іваніва возникло понимание, как ее продолжить. В тот же день было скомпилировано «обезьянаглавление» «Кшёншки первшей», занявшей в сверхповести место за первой частью. Следом были добавлены «Приложения».

«Corpora corporationis» не задумывалась как сверхповесть, но приобрела ее признаки по завершении. Выбор специфической формы был продиктован скорее техническими возможностями, которые она открывала для писателя, чем соотнесенностью с важнейшей для Іваніва фигурой Хлебникова. Принципы и инструментарий сверхповести были использованы как органичные материалу, художественным и, некоторым образом, терапевтическим задачам текущего момента: писатель стремился безотлагательно зафиксировать свое состояние на фоне приведших к нему событий.

План развертывания начатой осенью повести не был рассчитан на скорое завершение, следование ему откладывало бы необходимый реабилитирующий эффект, тогда как жанр сверхповести позволял без потерь хранения, сообщая прихотливой экспериментальной форме энергию непосредственного отклика, практически одномоментно произвести тщательную эмоциональную томографию перипетии, само ее

содержание оставляя не раскрытым[8]. История путешествия в город Антон, решенная в технике бриколажа, представляет собой своеобразный макротроп, сложенный образными цепочками привлекаемых в его структуру ранее созданных артефактов, остраняющий прямое высказывание, готовое разрешится в диапазоне от плача до инвективы.

Структура сверхповести, подбор и способы взаимодействия между собой сведенных в ней далековатых по происхождению параграфов фиксировались и получали распространение по факту использования, а то и обнаружения[9] в спонтанно организующейся двухуровневой соподчиненной системе разделов, где «Часть первая. Старичок с ноготок», включающая четыре главы и две вставки, и три «Приложения», составленные стихотворными и эпистолярными параграфами, осложнялись прологом без названия и будто компенсирующим его отсутствие «обезьянаглавлением» — сводом названий «прочитан-

6 Вставка в сверхповесть іванівского перевода статьи Умберто Эко — замечательный пример, вскрывающий механику подбора и сцепления составивших сверхповесть текстов. Поводом к выходке, вероятно, послужило созвучие имени знаменитого итальянского писателя и фамилии университетского друга, адресата и персонажа многих произведений Іваніва — Дмитрия Умбрашко, называемого иногда по прозвищу Умбра или Умбер, в том числе в предшествующей статье главе. Но этого, может, и оказалось бы мало, не будь в ней упоминаний Юлии (sic!) Цезаря и Иоанна Павла II, которых писатель очевидно ассоциирует с другими своими друзьями — поэтами Юлией Идлис и Павлом Розановым. По приведенным мотивам, совместно с тем обстоятельством, что выполнение этого перевода оказалась последним заданием, перед потерей писателем переводческой работы, статья приобретает значение «документа», удостоверяющего то и это, а во взаимодействии с другими параграфами — это и то. Межтекстовые коммуникации в сверхповести могут обеспечиваться и более сложными схемами: появление только в последнем ее списке параграфа с фрагментом письма, начинающегося со слов «PS. Вчера я читал записную книжку-молитвенник...» и продолженного перечислением вычитанного (чем не список рифм и тем для буриме?), возможно, спровоцировано финалом, в котором был отведан «минюскюльной ложечкой миот», отсылающий к «меду поэзии» из статьи Игоря Лощилова о «Случае» Хлебникова — на нее откликается Іванів в другом параграфе: «Писано на сочинение Лощиловом новой статьи». Настаивать на конкретных интерпретациях преждевременно, а в рамках этого обзора — не имеет смысла, но приведенные примеры описывают возможные принципы устройства связей параграфов между собой, а то и с внешними текстами. Кажется, именно на такую работу с «документами» рассчитывал писатель, собирая их вместе.

7 По воспоминаниям ряда участников того премиального процесса, лауреатство Виктора Іваніва было ожидаемым, и сам писатель не без оснований на него рассчитывал. Об этом, например, у Алексея А. Шепелёва: «Виктор, не получив супротив всеобщего ожидания премию «Дебют», забыл в расстройстве где-то в кафе свою кожаную куртку с документами, после чего среди зимней стужи столичной одиноко разделся — а что ещё оставалось? — и прям так отправился по центру, куда глаза глядят и несут ноги, будто по нудистскому пляжу (усыпанному почему-то чёрным снегом), а думая, что по родному Н-ску, рекламируя прохожим «мировое (или моровое) мравительство» (*Шепелёв А.* Снюсть, Анютинка и алкосвятые. Роман-хроника, 2008–2020. Частично опубликован, приведенный фрагмент цитируется по предоставленному автором файлу). Тем не менее, факт подготовки лауреатской речи не может являться тому свидетельством — по регламенту, все претенденты, вошедшие в шорт-лист премии, должны были подготовить выступление на случай своей победы.

8 Это обстоятельство, кажется, было важным для Іваніва. О том, что до поры писатель избегал обнародования (пусть и в фикционализированной форме) деталей декабрьской истории, свидетельствует факт первой публикации стихотворения «Путешествие в город Антон» (сохранено под этим заглавием в файле *ZLIZA.doc*), написанного 2–5 июня 2003 года и впервые опубликованного (см. Вавилон, №10 за 2003 год, с. 125–128, URL: http://www.vavilon.ru/metatext/vavilon10/ivaniv.html, номер подписан в печать в 25.08.2003, вышел в свет в октябре) без заглавия и, что характерно, без третьей части, в которой обстоятельства московской поездки отрефлексированны наиболее прозрачно. Полностью это стихотворение Іванів опубликует только в 2006 году под заглавием «Тень маниака» (см. СЧиЗП2006, с. 91–96).

9 Так на формат «Приложений» Іванів мог выйти, компилируя подборки, в которых новые стихи перемежались фрагментами переписки с друзьями — им же эти компиляции и рассылались. Такая подборка, ни в чем не дублирующая материалы «Приложений», но задающая образец их структуры, сохранилась в архиве Соколовского — см. файл *mesiacelov.doc*. Также см. примечание 6.

ных, а вернее недочитанных книг»[10], отделяющим единственную номинальную «Часть» от «Приложений». Всего в сверхповести двадцать восемь (считая «обезьянаглавление» единым текстом) самостоятельных текстовых единиц разного жанра: две главы начала «детективного романа», три главы лирического дневника, заказной перевод статьи, текст лауреатской речи, фейковое оглавление, девять писем (причем Іванів является автором только четырех из них), восемь стихотворений (пять из них написаны значительно раньше и ко времени сборки сверхповести уже опубликованы, три — написаны в период работы над ней), три *послания* — тексты, балансирующие на грани личного письма (и формально ими являющиеся) и стихотворения.

Финальные включения в состав, вероятно, были сделаны 9 февраля, с созданием белового файла, содержащего последнюю редакцию, отличающуюся от предыдущей двумя добавленными параграфами в первом и третьем «Приложениях» и непоследовательно проведенной унификацией внешнего оформления сверхповести. Дальнейшее вмешательство в файлы этих редакций вряд ли было существенным, а, скорее всего, ограничивалось их пересохранением перед отправкой Игорю Лощилову, Святославу Одаренко и, возможно, кому-то еще[11].

Самих писем, с которыми немногочисленные читатели получили ту или иную редакцию, не сохранилось. Другие свидетельства, разъясняющие статус сверхповести относительно остального обширного іванівского корпуса, также не известны. Собственно с этой рассылкой закончился короткий период условно публичного бытования «Corpora corporationis» как целого произведения. А возможно, что рассылка избранным читателям и означала его окончание: больше к сверхповести Іванів не возвращался[12], не предлагал ее к публикации, не учитывал в многочисленных проектах собраний своих сочинений, и, как кажется, никому больше не показывал.

В связи с этим, как минимум, два вопроса требуют разъяснения:

— следует ли считать «Corpora corporationis» отдельным произведением или, в свете дублирования значительной части

ее мотивов и текстовых фрагментов повестью «Путешествие в город Антон» (трижды опубликованной и неизменно включавшейся автором в своды им написанного), стоит говорить только о собранных в сверхповести рабочих материалах к последней?

— но, если «Corpora corporationis» все же имеет равный с «Путешествием в город Антон» статус, то какова причина ее сокрытия?

Ответ на первый вопрос декларируется настоящим изданием: «Corpora corporationis» — высокоспециализированное текстовое образование с продуманным заголовочно-финальным комплексом, объединяющим его части в законченное целое уникальное произведение, которое не обязательно рассматривать в дуплете, триплете и проч. с другими произведениями, разрабатывающими тот же или сходный сюжет. Установка на функционирование сверхповести в этом статусе подтверждается и фактом копирования ее окончательного текста из рабочего (черновика) в итоговый файл, с внесением в него нормализующих оформление изменений, то есть, осуществлением акта, аналогичного переписке набело. Только специфичность комплекса выбранных формальных решений в комбинации с последовавшей редупликацией значительной части присущих сверхповести элементов и фактом отказа от дальнейшей демонстрации произведения может провоцировать недооценку его статуса.

На второй вопрос ответить сложнее. Молниеносной сборкой сверхповести «сюжет о безумии» для писателя явно не был исчерпан. Іванів возвращается к московской истории декабря 2002 года во многих текстах: от несколько месяцев спустя написанного стихотворения, известного как «Тень маниака»[13] (а сразу по написании оно называлось «Путешествие в город Антон»!), полностью ей посвященного, до касаний в поздних повестях «Летовс-wake» и «Конец Покемаря». Последовательное и полнейшее изложение сюжет получил в повести «Путешествие в город Антон Б., учителя балерин», к активной работе над которой Іванів приступил практически сразу по

10 ЧП2012, с. 97.

11 Пока не удалось выяснить, получал ли ту или иную версию сверхповести кто-то еще помимо четверых названых — рассылка могла быть более широкой, но прямых подтверждений тому не найдено. Интересно, что Лощилов получил предпоследнюю редакцию (последнее сохранение файла 30.03.2003) в то время, когда уже существовала последняя — в файле, созданном 09.02.2003 и окончательно сохраненном 10.06.2003. Возможно, это произошло по ошибке. Одноименные файлы этих редакций размещены в разных папках архива: полученный Лощиловым хранится в папке *IVANIV3*, содержащей рабочие материалы 2002–2005 годов; полученный Одаренко — из папки *ПРоза*, в которой собирались итоговые тексты многих законченных произведений вплоть до 2015 года.

12 Все же было еще как минимум одно продуктивное взаимодействие Іваніва с корпусом сверхповести: уже после публикации повести «Путешествие в город Антон» Іванів содает файл (см. *DOCUMENTY.doc*), куда помещает по одному параграфу из трех «Приложений» сверхповести — два послания и стихотворение. Очевидно, в «Corpora corporationis» было выражено нечто важное для писателя, не пришедшееся к месту в «Путешествии в город Антон», но требующее фиксации. Как вспоминает получивший этот файл Лощилов, «когда Виктор вернулся и стал относительно адекватным, он рассуждал о том, что эта переписка имеет характер медицинского документа или как бы приложения к «Истории болезни», поэтому и названа *DOCUMENTY*». Так или иначе, но и эта эссенция архивированной сверхповести широкой публике представлена не была.

13 См. примечание 8.

завершении «Corpora corporationis». В новелле «Автобус»[14], написанной в июле, была найдена подходящая модель для реализации запущенного осенью и скорректированного в декабре сюжета — тот самый «легкий стиль от тяжелой жизни»[15]. За «Автобусом» последовали новеллы «Дурак» и «В больнице» — вместе они составили вторую часть повести. Первая же часть была сформирована из значительно переработанных избранных глав «Старичка с ноготок», новых глав и приданных к ним очерков и анекдотизированных воспоминаний из цикла набросков, озаглавленного «Часть третья. Осип Виссарионович Мандела», пополнявшегося параллельно сборке сверхповести в январе-феврале.

Нестабильность во времени принципиально свойственна многим, если не большинству текстовых единств Іваніва разного уровня целостности. Оформленный цикл или книга, повесть или сверхповесть в своей законченности не были для писателями неприкосновенны, а скорее являлись препарированными устройствами, укладками конструктивных элементов, подобранных в том или ином отвечающим моменту сведения порядке, и готовых к перекомпоновке в связи с меняющимися обстоятельствами. При этом законченное и даже опубликованное произведение могло перерабатываться с изъятием или подключением сторонних текстов, но чаще оба процесса шли заодно[16]. В случае невостребованности как целого или замены другим целым произведение могло быть частично или полностью демонтировано на самостоятельные составляющие или перемонтировано по надобностям других проектов.

Ввиду начавшегося интенсивного этапа в разработке нового подхода к тому же сюжету, а позже — его успешной реализации, высокая степень целостности «Corpora corporationis» могла быть осознана писателем как фиктивная. Сверхповесть достаточно было лишить специфического заголовочно-финального комплекса, чтобы понизить ее статус до сборника «опытов в стихах и прозе», а уж с отменой единства такого уровня целостности Іванів справлялся легко.

Из двух родственных релизов, оказавшихся на руках у писателя к началу 2004 года, для дальнейшего продвижения было

выбрано «Путешествие в город Антон». Вряд ли Іванів мог рассчитывать на публикацию и того и другого, и выбор конвенционально более приемлемого текста объясним. «Путешествие в город Антон», уже внешне опознаваемое как этапная работа, соотносимая с дебютным «Городом Виноградом», гораздо больше подходила для предъявления в качестве нового действительного достижения и удостоверения о том, что у писателя все в порядке. В то же время можно предположить, что, по сравнению с моментально решенной «Corpora corporationis», текст отделываемой в течении года повести ценился выше и самим Іванівым — так сказать, соразмерно вложенным усилиям.

«Corpora corporationis» была исполнена в тот момент, когда Іванів понимал, что не может написать «Путешествие в город Антон», но может рассказать о том, как он пытается это сделать, и объяснить, почему (пока) это невозможно. Сверхповесть — тенденциозный набор «документов», то прямо, то рекурсивно описывающих проекции «сюжета о безумии», функции и взаимосвязи которого даны с нарушениями относительно «разыгранного в действительности» или изложенного в других произведениях писателя — была контрольным упражнением или тренировочной сессией, *собранием собранности*, вылившейся в рассказ о том, как писатель этот рассказ пишет.

Сверхповесть могла смутить непредвзятого читателя прихотливо распределенными, а часто и скрытыми, вынесенными за пределы текста осями сборки, сообщающими произведению видимую растрепанность, осведомленным же читателям — показаться приколом, шуткой для своих, местами рискованной или неуместной. Предпринятое в «Путешествии в город Антон» снятие фактуальных мотивировок в развитии нарра-

14 Впервые: Крещатик, Выпуск 22, 2003, URL: https://www.kreschatik.kiev.ua/22/06.htm

15 См. примечание 4.

16 Тому масса примеров: вторая книга поэтического избранного, собранная под названием «Пелядь» в 2008 году и дополненная в 2010 (см. *Іванів В.* Пелядь, URL: https://polutona.ru/books/ivaniv_pelad.pdf), содержала 59 и 110 стихотворений соответственно. В наследующий ей проект «День грузчика», впервые оформленный под этим названием в 2011 году, вошли и 36 стихотворений из «Пеляди». Избранное «Дом грузчика» претерпело «стопицот» (по названию одного из файлов с версией состава) изменений: переименования, передислокация, снятие и восстановление стихотворений и циклов (минимально в сборник входило 64, максимально — 204, а в итоге — 174 стихотворения), смены названия самого сборника («Курю Табацу» в 2011, «Матрешка теней» в 2012), сепарация цикла из состава сборника для отдельного издания («Трупак и врач Зарин» в 2014), прежде чем было реализовано в начале 2015 года изданием *Іванів В.* Дом грузчика: Стихи; вступ. ст. А. Порвин. — М.: Новое литературное обозрение, 2015. — 312 с. История сборки и издания двух томов «собрания прозы» Іваніва «Чумной Покемарь» (2008–2012) и «Конец Покемаря» (2013–2015) представляет собой все ту же запутанную череду снятий и восстановлений ее составляющих (см. об этом: *Іванів В.* Конец Покемаря. — М .: Коровакниги, 2017. С. 380–385). То же происходило и с целокупностями более высокого, чем книга избранного, порядка. «Повесть о Полечке», уже готовая к печати, была дополнена второй частью. Не успевшие встать в вышедшую книгу новые части писатель готов был печатать отдельно, просто чтобы опубликовать, при этом целостность замысла имелась в виду, пусть ее проявление и откладывалось. Ранняя повесть Іваніва «Брезгливость и омерзение» (1999) еще в январе 2003 года рассматривалась писателем как часть будущей трилогии вместе с «Городом Виноградом» и начатой повестью о путешествии в город Антон. После публикаций «Города Винограда» и «Путешествия в город Антон» «Брезгливости и омерзение» находится место лишь в качестве главы одной из частей (сверх)повести «Город Затон. История о третьем человеке» (см. ДР2005), а в проекте пятитомника собрания сочинений (2011) она оказывается в разделе «маргиналий».

тива вместе с устроением «зоны непрозрачного смысла»[17], уравнивающей персонажей, придуманных и названных именами реальных людей, взаимодействующей с дискретно проявленными бытовыми обстоятельствами, сообщаемыми в режиме байки, решали эту проблему.

После того, как в выполнении задачи репрезентации заданного сюжета «Corpora corporationis» заменила новая повесть (а еще и стихотворение), сверхповесть утратила для писателя актуальность. Іванів мог счесть легко разбираемую на самостоятельные части и таким образом способную продолжить свое существование «Corpora corporationis» избыточной, а мотивы, обусловившие ее создание и позже отфильтрованные при работе над «Путешествием в город Антон», несущественными или слишком личными. Вероятно, в его глазах они такими и были.

17 Кузьмин Д. Постконцептуализм: Как бы наброски к монографии // Новое литературное обозрение, № (4)50, 2001. С. 474.

Для настоящего издания основным источником взят файл CC4, содержащий самый поздний и полнейший список «Corpora corporationis». Его текст сверен с текстами файлов, в которых зафиксированы промежуточные этапы сборки сверхповести, а также файлов, в которых ее параграфы сохранены в качестве самостоятельных произведений или частей альтернативных единств. Кроме того, учтены публикации вошедших в сверхповесть текстов, состоявшиеся как до ее оформления, так и после него.

Выполненная сверка практически не предоставляет вариативных основному источнику чтений: востребованный текст или его фрагмент не набирался заново, что могло бы спровоцировать внесение авторской правки, а копировался Іванівым в пространство сверхповести без каких-либо изменений — вместе с опечатками, небрежным синтаксисом, ошибками в орфографии и пунктуации[1].

Имеющиеся материалы позволяют с большой степенью достоверности реконструировать этапы сборки сверхповести, но практически не дают информации о работе писателя (в том числе проделанной в предшествующие сборке два-три года) над собственно текстами параграфов, ее составивших — в отсутствие бумажных черновиков и технической возможности увидеть разновременные слои компьютерных файлов решение ряда проблемных мест затруднено[2]. Встреченные случаи сохранения рудиментарных структур чернового набора, опознающиеся по очевидно рассогласованным периодам сохраненного текста, приоткрывают писательскую мастерскую и приобретают при этом парадоксальную ценность.

Фоновым препятствием для выработки сквозных текстологических принципов для всей сверхповести является ее предустановленная специфика сложно устроенного монтажного произведения с принятым «особым уставом» для отдельных составивших ее частей. Их своеобразие, проявленное в диапазоне от разнящейся жанровой природы до подчинения локально действующим грамматикам, требует специального

1 Ошибки сохранялись не только при копировании из файла в файл, но и из файла в публикацию, а оттуда в следующую. Так, сравнение фрагментов сверхповести, позже вошедших в трижды опубликованную повесть «Путешествие в город Антон», дает следующую динамику: VL2004 полностью воспроизводит соответствующие части текста в CC4, перенесенные в файл с повестью, а оттуда на сайт; в Топос2005 — лишь незначительная правка пунктуации; в ЧП2012 наконец сделана сквозная, хотя и не всегда последовательная, корректура, а исправления в ряде спорных мест обсуждались с автором. Большинство редакторских решений совпадает с принятыми и для этого издания и, хотя их не исчерпывают, обозначают коридор возможных изменений в тексте, с которыми автор мог бы согласится.

2 О специфике работы с электронными источниками литературного текста см.: *Шеля А.* Рукопись.doc: заметки о текстологии цифровых документов // Intermezzo festoso. Liber amicorum in honorem Lea Pild: Историко-филологический сборник в честь доцента кафедры русской литературы Тартуского университета Леа Пильд. Тарту, 2019. С. 356-374. URL: https://imwerden.de/pdf/intermezzo_festoso_2019__izd.pdf

подхода если не к каждой из двадцати восьми текстовых единиц, то к их основным группам.

К первой группе должны быть отнесены тексты (прозаические главы, деловые и личные письма, стихотворения), оформленные с выраженным намерением следовать нормативной грамматике. При их подготовке к печати в рамках настоящего издания проведена плановая корректура с исправлением орфографических и пунктуационных ошибок, выявлены и исправлены опечатки, синтаксические и логические ошибки типа: непроизвольно рассогласованный синтаксис, рвущие слово пробелы, сцепленные слова, удвоенные и впечатанные случайным нажатием соседней клавиши лишние буквы и проч.

Тексты второй группы (стихотворения и письма) написаны без постоянного грамматического контроля, с ослабленной, дискретной или полностью опущенной пунктуацией, повышенной концентрацией просторечий, дериватов имен знаменитостей и персонажей, известных только автору и его близким, экзотизмов, оказионализмов, зауми. Эти тексты с меняющейся, порой в пределах небольшого периода, системой логических координат часто представляют собой экспромты, сочинявшиеся в отправляемой форме почтового агента, которые потом без отделки переносились в специальные или компиляционные файлы или сразу в корпус сверхповести.

Отсюда многочисленные опечатки типа: «цаприца» — где одновременно нажаты соседние клавиши «а» и «п», следует — «царица»; «безвие» — где нажата соседняя клавиша «б» вместо нужной «л» — «лезвие»; «камзло» — «камзол», с перепутанным порядком набора «о» и «л» и проч. в этом роде, дающее: «моливенник» вместо «молитвенник», «спир» вместо «спирт», «и зо» вместо «изо» и «изза» вместо «из-за», слеш вместо запятой, «ог гткому» вместо «он никому», «жжир» вместо «жир», «ресницку» вместо «ресницу». Эти и им подобные ошибки набора, впрочем, встречающиеся и в текстах первой группы, в настоящем издании исправлены.

От опечаток и грамматических ошибок необходимо отличать произвольное вненормативное словоупотребление: «проучю», «в области живет», «столех», «пьенчюга», «пахот» и им подобное, а также результаты спонтанного набора или его

имитации типа: «вфзртффдшпрфещкш», или набора русского текста в иноязычной раскладке: «Dct cbks yf hfpdbnbt àgbcnjkzhyjuj òfyhf», или кросслингвальных контаминаций вроде: «А гиви дайне ханд» и проч. Такие текстовые элементы оставлены без изменений.

Кроме без сомнений распознаваемых погрешностей набора, из файла в файл переносились и элементы с не до конца ясным генезисом, форма и место в тексте которых не находит однозначной интерпретации: опечатка или намеренная парагра-фия, конструкции с пропущенным или недописанным словом, ошибки в заглавиях частей и даже в заглавии всей сверхповести и проч. В ряде подобных случаев в тексты источника внесены исправления, которые не вполне описываются обозначенной выше системой. По убеждению редакции, все они следуют логике произведения и могли бы претендовать на поддержку автором, приведись осуществлять подготовку издания при его участии. Однако правомерность таких исправлений в рамках посмертного издания может, а, пожалуй, и должна быть подвергнута сомнению. Каждое из этих решений требует обоснования в специальном порядке:

Corpora corporationis, или Путешествие из города Виноград в город Антон (с. 9) — в CC2–4 заглавие дано с очевидно ошибочным порядком исходного и конечного пунктов путешествия: «Corpora corporationis, или Путешествие из города Антон в город Виноград». Восстановлено в соответствии со здравым смыслом, подкрепленным текстом письма Сергею Соколовскому: «Высылаю также фрагмент новой прозы для тебя «Corpora corporationis» или «Путешествие из Винограда в Антон» и заглавием родственного сверхповести произведения ««Путешествие в город Антон Б., учителя балерин».

Гуингнм! (с. 15) — в CC2–4 — «Гуингм!», в VL 2004 — «Гуингнм!», в Топос2005 — «Гуингм», в ЧП 2012 — «гуингнм!». Восклицание несомненно восходит к самоназванию свифтовских разумных лошадей — гуигнгнмов. Но последовательное чередование в источниках «гуингм» и «гуингнм» подтверждает того или иного вида намеренное искажение

вымышленного этнонима. Берем последний вариант, утвержденный автором в ходе подготовки к изданию ЧП 2012[3], и имея в виду фразу из «Конца Покемаря»: «Сказка про Гулливера, перечитанная мной двадцать раз, была безбожно переврана»[4].

после своеобразного обмена щелчками зажигалок, <добыв> златой огнь и воскурив тоненькие Virgin Slimz, мы стояли на пороге «V». (с. 27) — в источниках: «после своеобразного обмена щелчков зажигалкой златой огнь и воскурив тоненькие Virgin Slimz, мы стояли у на пороге «V». Попытки обыграть пунктуацией рассогласованный синтаксис с явными рудиментами слоев авторской правки не увенчались успехом. Конъектура «добыв» (встречающаяся в словаре Іваніва, стилистически близкая «воскурив») вместе со снятием деактуализированного предлога «у» ставит все на свои места.

Senilia (с. 42) — в источниках, видимо, ошибочно удвоенное «l» — лат. «старческое».

Обезьянаглавление (с. 42) — в источниках «обезьнаглавление». Названное так оглавление книги, состоящее из названий других книг, должно обыгрывать передразнивание, обезьяничанье — отсюда возможное «обезьяноглавление». Но «а» на месте соединительного «о» — не орфографическая ошибка, а опрощающая фонетизация, усугубляющая игровой, комический момент.

Приложение № 01 (с. 44), *Приложение № CO_2* (с. 54) , *Приложение № O_3* (с. 61) — в источниках «Приложение О1», где кириллическая литера «О» могла быть впечатана случайно (или по нежеланию менять языковую раскладку клавиатуры) вместо латинской. Восстановление латинской «O» согласовало бы заглавие первого приложения с элементами заглавий остальных, в источниках как раз данных латиницей: «Приложение № CO_3» и «Приложение № O_2». Однако, при наборе могла произойти ошибка другого рода: в источниках — в заглавии первого приложения литера и цифра имеют одина-

ковый размер, а нижние индексы валентности в заглавиях второго и третьего приложений сымитированы уменьшением кегля. Если кириллическая «О» была впечатана вместо цифры «0» (ср. с заглавием одного из параграфов этого приложения «Док № 01» и стихотворением «Документ номер 02» из подборки «Месяцелов»), которая в комбинации с единицей должна открывать счет приложениям, то именно задуманное «01», набранное в виде формуловидного «O_1» провоцирует нумерацию следующих приложений формулами «CO_3» и «O_2», выстраивая символическую цепочку, интерпретируемую в духе «пожар», «углекислый газ», «кислород». Но CO_3 — не углекислый газ, а кислотный остаток угольной кислоты, формула же углекислого газа — CO_2. И если в третьем приложении поменять формулу кислорода на формулу озона — O_3, то скорректированная цепочка мало того что будет приведена к считываемой логике, но и последовательно пронумерует три приложения – 01, CO_2, O_3.

нога в колесе-эпице взрыва (с. 54) — в источниках так же. Хотелось восстановить до «нога в колесе-эпицентре взрыва», облегчив для восприятия точнейший дидактический образ, базирующийся на четком понимании смысла используемых слов: слишком часто слово «эпицентр» употребляется в значении «центр». Так фраза «в эпицентре событий», если и имеет какой-то смысл, должна означать что-то вроде «над схваткой», но то и дело нагружается значением «в самой ее гуще». У Іваніва показательно верное употребление. Мало того, образ с «эпицентром», сокращенным до «эпицы» разъясняет сам себя: колесо — совокупность эпицентров, проецируемых спицами от ступицы на обод. «Колесо-эпица» — образ, визуализирующий вращающееся колесо, где замена «эпицентра» «эпицей» обусловлена вскрытой рифмой с лакунными спицей и ступицей.

Кому укажет tit (с. 56) — в источниках «Кому букажет tit». Здесь очередное одновременное нажатие соседних клавиш, в данном случае «б» и «пробел», отбивающий «укажет». Другое дело, что попытка набора «Кому укажет tit» здесь могла

---

3 См. примечание 1.
4 *Іванів В.* Конец Покемаря. – М.: Коровакниги, 2017. С. 356.

быть предопределена инерцией, заданной строкой на аналогичной позиции в предыдущей строфе: «Кому укажет TOTus», тогда как ожидаемым и уместным, разнообразящим рефрен, было бы «Кому покажет tit». Но одного обманутого ожидания для такого исправления, разумеется, недостаточно, а повторенное «укажет» могло быть спровоцировано возможностью анафоры в двух последних строфах стихотворения.

Перед изданием не ставилась задача досконального следования источнику в плане его графического выражения. Собранные в сверхповести самостоятельные произведения и их фрагменты, как правило, сохраняют особенности начертания и пространственных решений, принятых для текстов по их первичным адресам. Подобным образом оформлено подавляющее большинство компиляционных файлов разного статуса, которые создавал писатель, начиная с первых лет пользования компьютером и электронной почтой до последнего времени[5]. Предпринятая Іванівым в CC4 непоследовательная унификация текста касалась только выбора для него единого шрифта, разнящееся форматирование и кегельная величина набора были им проигнорированы — по недосмотру/невниманию или сознательно, как не имеющие значения. В настоящем издании разница форматирования, шрифтов, их кегельной величины, явленная в источниках, не учитывается. В виду снятия разношрифтицы, казуально выполнявшей в источнике функцию различения границ параграфов и разделенных пробелом периодов внутри них, неозаглавленные параграфы сверхповести в издании предваряются тремя астерисками.

Все приведенные основания, принятые при подготовке к печати текстов сверхповести, относятся и к текстам, данным в дополнениях.

В детальной части комментария приведена информация о времени создания параграфа, указаны индексы файлов сверхповести, данный параграф содержащих, а также перечислены публикации, если таковые состоялись, полностью или частично его воспроизводящие.

«Мы встретились на площади...»
Осень 2002 года. CC2–4. Впервые: VL2004, также: Топос2005, ЧП2012 с. 100–103 — в составе повести «Путешествие в город Антон» под заглавием «Разговор во дворе лечебницы», как первая глава Части первой «Тень Маниака».

1. Ночь и начало утра
Осень 2002 года. CC2–4. Впервые: VL2004, также: Топос2005, ЧП2012 с. 103–110 — в составе повести «Путешествие в город Антон»: одноименная вторая глава Части первой «Тень Маниака». В публикации усилено деление главы на абзацы, в последнем из которых изъят период и заменен другим.

2. К парикмахеру
15 января 2003 года (первый абзац, возможно, раньше — осень 2002). CC1–4. Впервые: VL2004, также: Топос2005, ЧП2012 с. 110–112 — в составе повести «Путешествие в город Антон»: одноименная третья глава Части первой «Тень Маниака» со значительными изменениями — вместо двух снятых периодов в середине и в конце главы даны другие.

3. Что делали имярек с Дылдой после концерта в общежитии номер V
16–17 января 2003 года (первые пять абзацев, возможно, раньше — осень 2002). CC1–4 (в CC1 только заглавие).

Перерыв на обед. Умбер принес свою статеицу «Караванизация маков»
Начало июля 2002 года. CC2–4. Впервые: ИноСМИ2002. В интермедии воспроизведен текст и спародировано название статьи Умберто Эко «Карнавализация нравов», переведенной Виктором Іванівым с французского источника. Вероятно, последняя работа[6] Іваніва для «ИноСМИ».

5 Так оформлена и подборка стихотворений, отправленная в оргкомитет премии «Дебют». См. файл *IVANIV.doc*.

6 См. файл *resume.doc*: «переводчик с французского языка. Выполненный объем переводов — около 2000 страниц. Тематика: политика, экономика, психология, научно-популярные статьи, история, философия. 24 октября 2001 года – 4 июля 2002 года»

17–19 января 2003 года. Первые три абзаца написаны 17 января, пять следующих абзацев и вставка «Диагноз № 3» — 18–19 января (указание в тексте источника на описываемые события, как на произошедшие «вчера 18 декабря» — очевидная опечатка, в издании исправлено). СС1 — только заглавие, СС2 — только заглавие и первые три абзаца, СС3-4 — полный текст. Впервые: VL2004, также: Топос2005, ЧП2012 с. 115–117 — в составе одноименной главы повести «Путешествие в город Антон» дан только последний абзац со слов «Одно окно явиной гостиной...», разбитый на десять абзацев.

Пауза. Мы едим позы в бурятской кухне

12 декабря 2002 года. СС2–4. Текст лауреатской речи, написанной Виктором Іванівым для церемонии вручения премии «Дебют», состоявшейся 19 декабря 2002 года. Впервые под заглавием «Разговор о поэзии...»: РМ2003, еще раз — под заглавием «Повторение»: СЧиЗП2006 с. 5–8.

Кшёншка Первша.

Taught us Moran Dinar Aeri. *Senilia*

19 января 2003 года. СС3–4. Представляет собой «обезьянаглавление» воображаемой книги-компиляции, заглавиями частей и глав которой служат (без атрибуции) названия книг (Кудинов П. «Охотник за «языками», Фирсов А., Арсеньев В., Казаков Ю., Стин И. «У Белого моря. Фотоальбом»), заглавия их частей (Данилевский Г. «Мирович», Дюма А. «Виконт де Бражелон, или Десять лет спустя», Моруа А. «Жизнь Александра Флеминга», Герман М. «Домье», Иорданский В. «Африканскими дорогами», Турков А. «Салтыков-Щедрин», Петелин В. «Михаил Шолохов в воспоминаниях, дневниках, письмах и статьях современников. Книга 2. 1941–1984 гг.») или главы и части озаглавлены цитатами из книги (Турков А. «Салтыков-Щедрин»).

«PS. Вчера я читал записную книжку-молитвенник...»

Дат. 19 января 2003 года по фразе «сегодня крещенье». СС4. Фрагмент электронного письма Виктора Іванiва неизвестно-

му адресату. Ср. с мотивами седьмого абзаца части первой повести «Город Затон» (ДР2005).

«Митя, видит Бог, я устал, Митя...»
15 января 2003 года. СС3–4. Электронное письмо Виктора Іваніва поэту и издателю Дмитрию Кузьмину. Отправлено без приложений, файлы с упомянутыми в письме «начатками повести» (См. СС2, *document01.doc*, *molitva.doc*, *Канцона.doc*) были высланы Кузьмину днями позже.

«Витя, дорогой, слава богу, что ты откликнулся...»
Дат. предположительно первой половиной января 2003 года. СС3–4. Электронное письмо писателя Николая Кононова Виктору Іваніву. В почте корреспондента не сохранилось.

«Виталик, привет...»
Дат. предположительно первой половиной декабря 2002 года. СС3–4. Электронное письмо Виктора Іваніва поэту Виталию Науменко (1977–2018).

Док № 01
22 декабря 2002 года. СС3–4. Фрагмент электронного письма Виктора Іваніва поэту и литературоведу Игорю Лощилову, датируется по снятому здесь, но сохраненному в файлах *document01.doc* и *DOKUMENTY.doc* окончанию: «22 декабря 2002 года AD AM в день зимнего солнцестояния, город Антон. / И еще мне тут рассказали что в индии есть полк обезьян – им покупают бананы за то что они некогда закидали отряд пакистанских моджо орехами и кокосами в джамму и кашмире. / Помнишь в гостях у сказки раздватрис елочка жаждгис жальгирис иблис. Твоя Жанна Жижка. Nys komenьzioN aveuveura. / ио. Иа. Клоц.rjyn».

Писано на сочинение Лощиловым новой статьи
2002 год. СС3–4. Электронное письмо Виктора Іваніва Игорю Лощилову. В почте адресата не сохранилось. Последние изменения в файле со статьей, о которой идет речь[7], хранящемся в архиве Лощилова, отмечены 07.02.2002, вероятно,

7 *Лощилов И.Е.* «Случай» Велимира Хлебникова // Dzieło literackie jako dzieło literackie. Литературное произведение как литературное произведение: Профессору Ежи Фарыно в знак преклонения перед его творчеством. Pod redakcją Anny Majmieskułow. Bydgoszcz, 2004. Ss. 323–332.

и время отправки письма должно быть приближенно к этой дате.

«Янусик, привет. Я сижу тут и грущу.
Или дую на воду...»

Осень 2002. СС3–4. Наряду с «Janne DARK» одно из наиболее часто публиковавшихся стихотворений Іваніва. Впервые: ДП2001. Также: КВ2002, В2002, КЗ2003, ХХІ2003, СЧиЗП2006, КВ2009.

«Виктор, я оплатила Ваш билет туда-обратно...»

Конец ноября или начало декабря 2002 года. СС3–4. Электронное письмо сотрудницы оргкомитета литературной премии «Дебют» Ирины Личагиной Виктору Іваніву.

«Витя, привет...»

Начало декабря 2002 года. СС3–4. Электронное письмо, полученное Виктором Іванівым от троюродной сестры Евгении Александровны Сойновой.

«Сережа Сокол, приветствую тебя...»

16 января 2003 года. СС3–4. Электронное письмо Виктора Іваніва писателю Сергею Соколовскому. Приложены файлы с материалами для проекта сборника «Трое» (*molitva.doc, vinegr.doc*). Упомянутый в письме «фрагмент новой прозы» (СС1), видимо, был выслан отдельно в этот же или на следующий день.

«Дорогие мои Надюша, Танечка,
Наташа, все ваши дети...»

Июль 2002 года. СС3–4. Электронное письмо Людмилы Николаевны Рыбкиной, адресованное тете Виктора Іваніва Татьяне Викторовне Лавриковой, которой она приходится двоюродной сестрой.

Шаровая молния

Датировано под текстом: 1.01.03 Новосибирск СС3–4.

2001 год. СС3–4. Впервые: КВ2002. Также: XXI2003, СЧиЗП2006, КВ2009. Во всех публикациях под заглавием «Rap № 3».

Гимн царице 7 Гаттор Сен-Готтард

1–3 января 2003 года. СС3–4.

HYMN

2000 год. СС3–4. Впервые: ДП2001. Также: К2001, XXI2003, СЧиЗП2006.

Косточка

1998-1999 годы. СС3–4. Впервые: ДП2001. Также: НЛ2001, ЧБ2002, СЧиЗП2006.

Janne DARK

2001 год. СС3–4. Впервые: ДП2001. Также: КВ2002, ЧБ2002, КЗ2003, XXI2003, ДИ2004, СЧиЗП2006.

Канцона Жгютиконоссцаца

Вероятно, 22 декабря 2002 года, но точно не позже первой половины января 2003. СС3–4.

Утреняя молитва о любящей и возлюбленном которой ко мне боговоление

Датировка под текстом: «7: 21, 23, 25. 22 децембер время московское», как кажется, недвусмысленно обозначает 22 декабря (2002 года), когда Іванів находился в Москве. В пользу такой датировки говорит и стилистическое сходство текста «Утренней молитвы...» с текстом «Док № 01», датированным автором тем же днем. Дина Гатина настаивает на более раннем своем знакомстве с текстом. В свойствах файла *molitva.doc* датой его создания указано 22.10.2002. Следует учитывать, что октябрь — десятый (*december*) месяц григорианского календаря и «22 децембер» в подписи может быть результатом игровой буквализации прочтения текущей даты, контаминирующей номер октября по порядку в григорианском

календаре и названия десятого месяца староримского года (внимание к подобным деталям и склонность к календарным построениям такого типа было для Іваніва обыкновенным[8]). Но вернее: датировка означает время нового обращения автора к ранее написанному тексту (его ранняя редакция могла быть известна Гатиной, например, в виде письма, после скопированного Іванівым в специальный файл 22.10.2002 в связи с идеей сборника «Трое») и его закрепления в итоговом виде именно 22 декабря 2002 года. СС3–4.

У меня твоя черная книга
но я пока ее еще не открывала...

СС4. Электронное письмо поэта Дины Гатиной Виктору Іваніву, сохраненное в файле *DG.doc* 19.01.2003. Точная дата написания не выяснена, в почте корреспондента не сохранилось. Гатина предположительно относит его отправку на первую половину 2002 года.

ДОПОЛНЕНИЯ

<Месяцелов>

Подборка из девяти январских, 2003 года, стихотворений. Редакционное заглавие принято по названию одного из файлов, в которых первые семь стихотворений подборки были сохранены вместе с фрагментами переписки Виктора Іваніва — *mesiacelov.doc* (21.01.2003). Четырехчастное «Гундосят ли французы...» написано не позже 27 января 2003 года (по авторской датировке «НСК 27.01.2003 6 ч. 19 мин.» под заметкой «Купание», следующей за стихотворением в файле *1.doc*), «Венценосный журавль посаженный на корабль...» — не позже 1 февраля 2003 года (см. файл *IVANOV.doc*). Все стихотворения публикуются впервые.

Часть третья. Осип Виссарионович Мандела

Две первые записи под этим заглавием сохранены в файле *AOUY.doc* (19.01.2003). Позже были добавлены еще девятнадцать записей: фрагменты дневника, заметки, сентенции, анек-

доты и стихотворение, вместе пересохраненные в файле *CHASTE2.doc* (24.02.2003). Заглавие в контексте содержания, видимо, является фиктивным либо рудиментарным — относящимся только к замыслу первых двух записей. В целом, «Часть третья» — рабочий файл, куда заносились наброски без четкой привязки к тому или иному конкретному замыслу. Некоторые параграфы файла позже были переработаны и опубликованы в составе повести «Путешествие в город Антон» («Пьяная книжка», «Купание», «История о молоточнике», «История о человеке, который лежал в канаве и в ящике», «Все люди хотят путешествовать...») или как самостоятельное произведение: стихотворение «Вот царева глава лежит на траурном помосте...» — впервые: КВ2003 под заглавием «Смерть Искандра» с далее утвердившимся вариантом первой строки: «Вот царская глава лежит на траурном помосте», см. также: СЧиЗП2006, КВ2009 . Остальные пятнадцать параграфов публикуются впервые.

8 См. например «Предуведомление» к сборнику *Іванів В.* «Голос полдня» (2006). URL: https://polutona.ru/printer.php3?address=0808135845.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ФАЙЛЫ[1]

CC1[2] *21.doc* Создан и сохранен 16.01.2003. Обнаружен в архиве Сергея Соколовского. Письмо, с которым файл был ему выслан, не сохранилось. Содержит не озаглавленный «фрагмент новой прозы» в составе: «2. К парикмахеру», «3. Что делали имярек с Дылдой...» (без четырех последних абзацев) и «4. В гостях у господина Явы» (только заглавие). Сопутствующие файлы: *molitva.doc, vinegr.doc.*

CC2 *Corpora corporationis.doc* Создан 19.01.2003, сохранен в компьютере Дмитрия Кузьмина 24.01.2003. Письмо, с которым файл был Кузьмину выслан, не сохранилось. Содержит заглавие, безымянный пролог и все главы и интермедии «Части первой. Старичок с ноготок» (при этом в главе «4. В гостях у господина Явы» только три первых абзаца). Сопутствующие файлы: *document01.doc, molitva.doc, Канцона.doc.*

CC3 *Corpora corporationis.doc* Создан 19.01.2003 и сохранен в компьютере 30.03.2003. Аналогичный файл в архиве Игоря Лощилова. Состав приближенный к CC 4 — нет «PS» и «У меня твоя черная книга...». В импортированных частях текста сохранено форматирование и шрифты источников: разные типы антиквы (Courier New, Garamond, Times New Roman) кеглем от 10 до 16 пунктов.

CC4 *Corpora corporationis.doc* Создан 09.02.2003 и сохранен в компьютере 10.06.2003. Аналогичный файл в архиве Святослава Одаренко. Полный текст, базовый для настоящего издания. Шрифт текстового набора унифицирован (Verdana), при этом проигнорированы особенности форматирования текстов, взятых из разных источников и разница кеглей шрифта.

1.doc Создан не позднее 27.01.2003, сохранен в компьютере Сергея Соколовского 26.11.2003. Содержит четырехчастное стихотворение «Гундосят ли французы...» и заметку «Купание».

AOUY.doc Создан и сохранен 19.01.2003. Содержит два первых параграфа «Части третьей. Осип Виссарионович Мандела».

CHASTE2.doc Создан и сохранен 24.02.2003. Содержит «Часть третью. Осип Виссарионович Мандела».

DG.doc Создан и сохранен 19.01.2003. Содержит письмо Дины Гатиной Виктору Іваніву, озаглавленное в CC4 «У меня твоя черная книга...». В файле без этого заглавия и без подписи DG, сплошным текстом с сохранившимися знаками строкоразделов почтового агента.

document01.doc Вероятная дата создания 19.01.2003, сохранен в компьютере Дмитрия Кузьмина 24.01.2003. Содержит полное письмо Игорю Лощилову, с припиской и датировкой не вошедшими в параграф «Док № 01».

DOCUMENTY.doc Создан и сохранен 17.08.2004. Аналогичный файл в архиве Игоря Лощилова. Содержит полное письмо Лощилову, озаглавленное «Document01», с припиской и датировкой не вошедшими в параграф сверхповести «Док № 01», стихотворения «Утренняя молитва..» и «Канцона Жгютиконоссцаца». Все элементы набора унифицированы и, по сравнению с файлами CC3-4, нормализованы.

forMorev.doc Создан и сохранен 05.03.2004. Содержит проект сборника «Стихотворения и поэмы», среди прочих включающий стихотворения из состава сверхповести: «Косточка», «Янусик, привет. Я сижу тут и грущу. Или дую на воду...», «HYMN», «Jeanne DARK», «Rap № 3» («Каждое утро пели канарейки...»), «Шаровая молния», «Утренняя молитва...».

I.doc Создан и сохранен 19.01.2003. Содержит «обезьянаглавление» «Кшёншки первшей».

IVANIV.doc Создан и сохранен 5.08.2002. Содержит подборку стихотворений, отправленную в оргкомитет Премии «Дебют». Титульная страница с фотопортретом

1 Если не указано иное, файл хранится в электронном архиве Виктора Іваніва.

2 В строгом смысле речь должна идти о трех генетически отдельных файлах, отражающих этапы работы над сверхповестью: черновом наброске (CC1), двух зафиксированных слоях второго черновика (CC2–3) и беловике (CC4).

поэта, без заглавия, надписана «Виктор Іванів». На 57-ми страницах 34 стихотворения, считая две двойчатки в цикле «Sonnets to Janus» и поэму «Dante Gabriel Batistuta. Собутыльник сомнамбулы». В текстовом наборе сохранены особенности форматирования источников, из которых они были импортированы в файл. Использованные шрифты: Times New Roman, Courier, Courier New кеглем от 10 до 18 пунктов.

IVANOV.doc Создан и сохранен 03.02.2003. Содержит эссе «TRIP 2003» («Все люди хотят путешествовать...») и стихотворения «Венценосный журавль посаженный

на корабль...», «На смерть Искандра» («Вот царская глава лежит на траурном помосте...») с авторской датировкой «1 февраля 2003».

mesiacelov.doc Создан 21.01.2003, сохранен в компьютере Сергея Соколовского 26.11.2003. Содержит стихотворения в порядке: «Сочельник КеСАДИИ», «Вербное крещенье», «Был рыбный день и было воскресенье...», «и уста их слились в поцелуе едином...», «Документ номер 02», «Молитва за моего возлюбленного брата», «Письмо от собаки к ее хозяйке» и следующие за ними фрагменты переписки с Сергеем Соколовским, Диной Гатиной, Николаем Кононовым и Ириной Личагиной. Все материалы продублированы в другом файле (*MESIAC~.doc*), без каких либо изменений, с теми же датами создания и последнего сохранения.

molitva.doc Создан 22.10.2002 и выслан Сергею Соколовскому 16.01.2003. Аналогичный файл сохранен в компьютере Дмитрия Кузьмина 24.01.2003. Содержит стихотворение «Утренняя молитва...», первое слово в названии которого выделено увеличенным (22 пункта, все остальное — 10) кеглем.

SHARMOLN.doc Создан и сохранен 03.01.2003. Содержит стихотворения «Шаровая молния» и «Гимн царице 7 Гаттор Сен-Готтард»

resume.doc Создан и сохранен 11.05.2008. Содержит профессиональное резюме Виктора Іваніва.

vinegr.doc Создан 10.11.2002 и выслан Сергею Соколовскому 16.01.2003. Содержит «Город Виноград в отрывках».

Канцона.doc Дата создания не установлена, сохранен в компьютере Дмитрия Кузьмина 24.01.2003. Содержит стихотворение «Канцона Жгютиконоссцаца».

Карнавализация нравов (перевод).doc Создан 24.11.2002. Содержит копию публикации на сайте «ИноСМИ» статьи Умберто Эко «Карнавализация нравов».

XXI2003 XXI поэт./Сост. Д. Давыдов — М.: Издательство Р. Элинина, 2003. С. 25–60.

VL2004 Vernitskii Literature: Молодая Русская Литература, 2004 год (архив в настоящее время закрытого сайта vernitskii.ru хранится по адресу: https://drive.google.com/file/d/14Rq3-iRRoxemq6Oz0FtySqFW6J-V-kcx/view, см. папку: ivaniv7.htm).

В2002 Вавилон: Вестник молодой литературы. Вып. 9 (25). — М.: АРГО-РИСК; Тверь: Колонна, 2002. С. 296.

ДИ2004 Девять измерений. — М.: Новое литературное обозрение, 2004.

ДП2001 Драгоманъ Петровъ, № 3, 2001. URL: http://dragoman.narod.ru/authors/ivaniv/ivaniv.html.

ДР2005 Дети Ра, № 3, 2005. URL: http://www.detira.ru/arhiv/7_2005/ivaniv.htm.

ИноСМИ2002 *Эко У.* Карнавализация нравов. Как отличить серьезное от фарсового. Пер. с ит. Беранжер Эруар // ИноСМИ.ру. 04.07.2002. URL: https://inosmi.ru/untitled/20020704/151675.html.

Крещатик2001 Крещатик, Выпуск 12, 2001 — Киев. URL: https://www.kreschatik.kiev.ua/.

КВ2002 К востоку от солнца, № 4, 2002. С. 49–56.

КВ2003 К востоку от солнца, № 6, 2003. С. 70–74.

КВ2009 К востоку от солнца, № 11, 2009. С. 146–152.

КЗ2003 Kto Zdes'? Новосибирский литературный журнал, 2003 (№ 2). С. 110–116.

НЛ2001 Нестоличная литература. Поэзия и проза регионов России. / Сост. Д. Кузьмин. — М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 290-298. URL: http://www.litkarta.ru/projects/nestolitsa/texts/content/ivaniv/.

РМ2003 Русская мысль, № 4445, 27 февраля 2003 — Париж.

СЧиЗП2006 *Іванів В.* Стеклянный Человек и Зеленая Пластинка: Стихи. — М.: Ракета, 2006. — 130 с.

Топос2005 Топос. Литературно-философский журнал. 24.07.2005, репубикация — 27.02.2015. URL: https://www.topos.ru/article/3183.

ЧБ2002 Черным по белому: Альманах. Ред. Е. Бунимович. Сост.: М. Айзенберг, Д. Кузьмин. — М.: ОГИ, 2002. С. 58–61.

ЧП2012 *Іванів В.* Чумной Покемарь: Собрание прозы. — New York, Ailuros Publishing, 2012. — 325 с.

Об обнаруженной ошибке набора и о вновь полученной информации, корректирующей фактическую и интерпретационную части комментариев в книге *Іванів В.* Стихотворения Ор. 1–47. — М.: Коровакниги, 2021. — 202 с. (Подготовительные материалы к собранию сочинений Виктора Іваніва. Вып. 1) — далее ПМВ1.

1) На стр. 17 в заглавии «ОР. 6 УПАВШАЯ ЛИСТВА» вместо «ЛИСТВА» следует читать «ШАПКА».

2) В списке источников (стр. 192) не учтен № 23 (1997) журнала «Новое литературное обозрение», на стр. 297 которого впервые опубликованы два моностиха Виктора Іваніва:

* * *

не угадаю где радуга, око высовывая

— Основной источник — Ст1–45, где стихотворение дано под заглавием «Ор. 30» (см. ПМВ1, стр. 81)

* * *

Поутру внятно дня мне подаянье

— Основной источник — Ст1–47, где стихотворение дано под заглавием «Ор. 29» с «посв. Евг. Минеярову» и начинается со строчной буквы (см. ПМВ1, стр. 44). Моностих был выделен автором из стихотворения «Когда пощуся я то тщусь...» (см. ПМВ1, стр. 77, строка 11), известного по машинописям М5, М6 и М7.

3) В части статьи комментария «Об опусах в открытом каталоге Виктора Іваніва» (стр. 145–147), посвященной мотивам применения термина «Op.» (*opus*, опус) для оглавления произведений в Ст1–45, Ст1–47 и некоторых других источниках, пропущена вероятная рецепция: ряд стихотворений Владимира Эрля озаглавлен сходным образом, например: «Op. 103» или «Op. 144. Голкипер. Мистерия» и т. п., см.: *Эрль Вл.* Книга Хеленуктизм: Стихи, драмагедии, полемика. — СПб.: Призма–15, 1993, 80 ненум. с. По словам новосибирского художника Андрея Кузнецова, принадлежащий ему экземпляр этой книги был в распоряжении Виктора Іваніва: «Витя ее году в 94–95 брал. Нет. Он «Хеленуктизм» раньше 95 не читал. Я его в 95–96 купил. Я получил, помню, посылку с Сатуновским, Констриктором и кое-чем еще. Но это раньше было. А «Хеленуктизм», Миронова, Шварц нашел среди списываемого в ГПНТБ. Еще Сапгира, Соснору раннего и Яркевича. Все в один день. «Хеленуктизм» Витя брал читать, помню точно. Скорее даже в 96–97».

4) В разделе «Редакции и варианты» не учтена позднейшая из известных редакций стихотворения «Op. 45 РАЗГОВОР», представленная в подборке Виктора Іваніва, номинированной на литературную премию «Дебют» (см. файл *IVANIV.doc*, 05.08.2002), и воспроизведенная без изменений в проекте авторского сборника «Стихотворение и поэмы» (см. файл *forMorev.doc*, 05.03.2004):

РАЗГОВОР
(это заумь)

— что ты надулся как сосед,
чем разобижен?

— я был разбужен, я не подготовлен,
приподнялся едва, гляжу,
когда земля лежала бездыханной,
и лишь угадывалось утро,
и утро лишь угадывалось.

— как ты его приметил?

— свой сон я пересилил,
особенно взглянув на небеси,
мяукнула луна и опустилась.
— что ты к тому привесил,
чтоб подозренья превзойти?
— в придачу я был разут
и холод лобызал
мои ступни и приближался свет к ним
. . . . . .
и я тогда к деревьям устремлялся,
они смиренные, они не докучали
они погодою казались
они погодою качали
немногоцветны и внимательны к шагам
. . . . . .
и словно я попал на пепелище...

— что ж ты искал, когда из дома вышел,
как утро очутилось, как очутилось утро?

— встрепенулись тени,
и сделалось интересно,
и воцарилося вниманье,
и был минутою комар,
и минус он считал,
и нос свой очень очинял.

а что писатель сочинял?

послание получше он готовил,
заметил он, что лучик по углам
усаживался и гостит,
во всех углах одновременно уживаясь.
. . . . . .
и уж ловил осу он,
ловил и морщился,

лишения перетерпел,
и свой язык высовывал.
и он осваивался с ней, оторопел,
еще побаивался, и... за шиворот!
избитый, полусонный,
вскормленный, долу устремленный,
он жадный задрожал, как дирижабь
и уронил бисквитом
перо в свою чернильницу.

— ты проницательно его пред нами оценял,
(и паутинкой уносились тучи),
с начитанной учительницы
и попечительницы аптек
оптической почтительностью...

— но все же ты не утерпел...

ее унылую улыбку,
ее улыбку унылую,
ее движеньями заворожон, встреВОЖЕН, взВОЛнован,
оцепенел, спеленат,
родители меня послали в интернат,
где я насытился ее нравоученьями,

— иначе, опять коснемся утра и ночи различенья

— нетерпеливо утро, оно и не удержалось,
понемногу, быв поникнув, все кинулось...
а день невыгоден,

то дождевых гвоздей он ходит с выдергой,
непреходя наперекор термометр,
и дождь таращит тюрьм решетки
и путаницу напускает, что кузина, и нападает на окно,
послеобеденной охоты не спускает...

— но чем его докуку заменили?

— подвинешь кружку, вот и вечер наступил,
его как будто хлеб, куда макают,
он поздний гость, его воспоминают
старухи и показывают на него,
а все без толку,
он матросом, или теленком,
кургузый, со сквозной улыбкой,
в бескозырке,
лентяй, две ленточки,
платок-то перекинь...

настала ночь, ее ты уподоби бутылке,
и к уху поднесь,
а все без толку,
в ней нету ни глотка,
улягся, на затылке
пробудет полночь п
о
д
н
я
л
а
с
ь
до
п
о
т
о
л
к
а.

январь 1996.

Виктор Іванів
Corpora Corporationis,
или Путешествие
из города Виноград
в город Антон

Корректура *Сергей Лебедев*
Верстка *Кирилл Благодатских*
Выпуск *Алексей Дьячков*
Издательство *«Коровакниги», facebook.com/cowbooks*
Книготорг *«Медленные книги», slowbooks.ru*
Тираж *200 копий*
Печать *типография «Радуга», raduga-print.ru*